

Юрий Мандельштам

ОСТРОВ

["Когда свершу я будничное дело..."](#)

["Гомеровским стихом священным..."](#)

[Имя](#)

[Два ноктурна](#)

[Молитвы](#)

[Верность](#)

["От ослепительного света..."](#)

["По рубрикам, под номерами..."](#)

["Предчувствовало сердце: безразличен..."](#)

["Так день прошел, веселый, монотонный..."](#)

["Как грустно! В жизни этой..."](#)

["День ото дня все меньше знаю..."](#)

["Я внутри совершенно пустой..."](#)

["Не торопись, не торопись, поспеешь!..."](#)

["Слова и люди безразличны..."](#)

["Нет, не восторг, не солнечный туман..."](#)

[Два наброска](#)

[Два стихотворения](#)

["Я ненавижу быстрый взгляд..."](#)

["Когда сольются надо мной..."](#)

["Опять июнь, как год, как два назад..."](#)

["Поверь, не о себе тоскую..."](#)

["Бежала с ветром по земле трава..."](#)

[Мистраль](#)

["Точно звезды, мерцая, зажглись..."](#)

["Единственный, неповторимый..."](#)

["Не говори, что нет предела..."](#)

["Как здесь нетрудно думать о приятном..."](#)

["Еще шумит по летнему волна..."](#)

["Опять я немощен и нем..."](#)

["У "Notre-Dame" застыла пара..."](#)

[CAP DU LANGOUSTIER](#)

ВЕРНОСТЬ

["Мой друг, я знаю — скучно..."](#)

[Память](#)

"За окном — морозная луна..."
"Случайные земные встречи..."
"Что делать мне с тобою и с собою..."
"Я все забыл, я ничего не знаю..."
"Люби не знаешь ты, ее..."
"О любви, о любви без конца..."
Сон
Эльзас
Альпийская роза
"Как много ласковых видений..."
"Говорить о любви, о стихах..."
Ночное
"Ты замужем, и я испытан вдвое..."
"Наверное, любовь восторжествует..."
"И снова — недоговоренность..."
Возлюбленная
Письма
Элегия
"Любить несуществующих друзей..."
"Что этот мир? Мы так различны в нем..."
"Влюбленный плачет после встречи..."
"Враги курили, спорили, кричали..."
"Не исцелить моей тоски безмерной..."
"Как просто жить, ходить на службу..."
Восьмистишия
Дуэль
"Чернорабочий в куртке рваной..."
Элегия
"Отчаянье — не это..."
"Как жить на земле? Человек не знает..."
"В житейской тине счастья не найти..."
"Нет оправдания тому..."
"Этой жизни, трудной и любезной..."
"Ты говорил — я долго слушал..."
"Усталость. Легкие слова..."
"Мой друг, ты болен, ты измучен..."
"Тому, что ты живешь и пишешь..."
Ночь
"К чему стихи? Уже и так от них..."
"Я говорил: конечно, о стихах..."
"Как тяжело дается вдохновенье..."
"Уже поживший и выдавший виды..."
Рождественская баллада
IRA DEI
Два посвящения
Стихи о разлуке
"Вечерней зыбкой тишиною..."
"Папиросный дым в кафе..."

"Ворвись ко мне и потревожь..."
"Я лгу, отчаиваюсь, каюсь..."

ТРЕТИЙ ЧАС

"Сердце, сердце, что с тобой сегодня?.."
"Верность? Любовь? Довольно..."
"Была, была восторженность во мне..."
"Тревога пьяная, привычная..."
"Сон, смерть, паденье..."
"Проходят дни за днями, а наша цель не ближе..."
"Сначала весна, и томленья..."
"Все то же — люди, имена и лица..."
"Любви и вдохновенья больше нет..."
"Морозный ветер с востока..."
"Но не скажу, как прежде: рифмы плохи..."

Шахматы

"Не потому, что близок мой черед..."
"Из боли, страха и страстей..."
"Жить одному так просто и не страшно..."
"Я снова тебя вспоминаю. К чему? Отчего?.."
"Моя дорога, столько лет все та же!.."
"Как неожиданны и редки..."
"Бывало — с полужвука, с полуслова..."
"Ночная мгла качается..."
"Электрический запах озона..."
"Я спал. Ты мне приснилась..."
"Сколько нежности грустной..."
"Какое счастье! Горный воздух..."
"Мерцает ясная звезда..."
"Ты знаешь ли это мученье?.."

ГОДЫ

"Видишь? В жизненной пустыне..."
"Во сне иногда приснится..."
"Одиноко и горестно вторя..."
"Я больше, чем помню — знаю..."
"Я плакал, но только во сне..."
"Не надо снов, связующих навеки..."
"С детства я любил мечтанья..."
"Наивно? Может быть, наивно..."
"Что это — на краткое мгновенье..."
"Тебя здесь нет, а я еще живу..."
"Радость моя, мы с тобою расстались..."
"Я верю, Господи, что это знак..."
"Ни радости, ни скорби нет конца..."

"Поля без конца, без предела..."
"Если ночью мне долго не спится..."
"Ночью, когда совершенная..."
"Ну что мне в том, что ветряная мельница..."
"Налетает беда, налетает..."
"От неосознанной обиды..."
"Всё это — обманчиво и зыбко..."
"Все тягостней, все непробудней..."
"Зачем нужна эта легкость без края..."
"Эта легкость и эта отрада..."
"Все повторяется, как в сказке..."
"Говорили — все погибнет в мире..."
"Нет, не воем полночной сирены..."
"Какая ночь! Какая тишина!..."
"Война! Летят самолёты..."
"Еще победу торжествует враг..."
"Мы с тобою — в трагическом мире..."
"Уже зима осталась позади..."
"Круженье ветра, прах и тленье..."
"Не за шеломом русская земля..."
"О чем ты плачешь, сердце? Гибнет слава..."
Стихи о надежде

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

Измена

"На белой бумаге пятно..."

К Нине

"Дружба, что ты? Без тебя ли тлена..."

"Бессонными ночами говорили..."

"От любви моей, самой ничтожной и самой презренной..."

"Мой честный друг, уж так устроен свет:..."

"Носитель тайного таланта..."

"Если счастье улыбнется..."

"Пронзительность со мною распрощалась..."

"Как Пушкин, в снежном сугробе..."

"На темном моем небосклоне..."

Тебе

Зимой в бараке АТП

Дорога в Каргополь

ОСТРОВ

* * * ^

Когда свершу я будничное дело,
И на страницах будничных газет
Узнаешь ты нахальный и несмелый,
И непохожий на меня портрет, —

— Ты будешь плакать, ты проплачешь ночи,
Смотря в унылый лондонский туман,
Ты будешь памятью моей морочить
Доверчивых и строгих англичан.

Тебя твой муж утешит небылицей
И поцелует на ночь, не спеша,
А про себя поэтам подивится:
«Ведь, главное, не так уж хороша!»

Но что за дело мне? Меня не тронет
Твоя печаль — о, я не буду знать.
Когда луна блеснет на небосклоне,
По — прежнему я стану вспоминать

Лучи густые солнечного света,
Мистралья раскаленную струю,
Далекий остров, море, запах лета,
Твою любовь и нелюбовь твою.

* * * ^

Гомеровским стихом священным,
Античной, строгой красотою
Еще полна душа Елены,
В веках не позабывшей Трою.

А голова Софии мудрой —
А ней глубоко таится знание
И посыпает белой пудрой
Упорных мыслей сочетанья.

И всех прекрасней и нежнее,
Как позабытых стран равнины,

И сердце радовать умеют
Любовь и скорбь Екатерины.

Но даже их я променяю
На случай радостный и странный.
В любви внезапной забываю
Тоску, и мудрость, и обманы.

Часами ласково и дико
Я славлю северное имя,
О счастья думаю великом,
Не замечаемом другими.

Я предугадываю встречи —
— Ведь у влюбленных столько дела —
И долго вспоминаю вечер,
Когда душа стрелой запела.

Моя веселая измена!
Предчувствую: тебе единой
Простят София и Елена,
И скорбная Екатерина.

ИМЯ ^

Моя смерть Вам должна быть страшной:
Вы со мною вместе умрете,
Оттого, что с собой на память
Ваше имя тогда возьму я.

И другие Вас будут видеть,
И другие, как прежде, будут
Тем же именем называть Вас,
Что и я повторял когда-то.

Но наверно и Вы поймете,
Что Вы стали совсем другою
И что с Вашим именем вместе
И любовь навсегда унес я.

ДВА НОКТЮРНА [^](#)

1.

Неполный месяц, желтый и смешной,
И редкие зарницы за спиной.
Казалось, ночь июльская была
Из тонкого, волнистого стекла.

Неясная печаль из далека...
Как больно сжалась теплая рука!

2.

Какая грусть на площади ночной!
В угарном и безрадостном весельи
О чем-то горьком, как июльский зной,
Скрипят неугомонно карусели.

А в комнате беспомощный рояль
Дрожит и стонет под рукой неровной,
И жалуется душная печаль,
Прикрытая усмешкой хладнокровной.

И только там — на белом потолке, —
Где тихо бродят ласковые тени,
Нет ни упорных мыслей о тоске,
Ни медленных, назойливых сомнений.

МОЛИТВЫ [^](#)

Хор за стеною пел
Странные песни.

Молился монах:

Знал я сомненье и медленный страх.
Боже, прости мне, что темной тропею
Я не решался идти за Тобою!
Боже, прости!
Дай мне порою на дальнем пути

Слышать победное: «Лазарь, воскресни» —
Сладкий удел.

Хор за стеною пел
Странные песни.

Молился солдат:

Плотью одетый прошел я сквозь ад —
— Вечное пламя и демонский топот.
Боже, прости мне убийство и ропот!
Боже, прости!
Дай мне порою на трудном пути
Музыку слышать нежней и чудесней
Огненных стрел.

Хор за стеною пел
Странные песни.

Молился поэт:

Боже, прости мне, что в сумраке лет
Очи смотрели и слушали уши,
Руки сплетались и грешные души.
Боже, прости!
Дай мне, о Боже, на скорбном пути
Счастья тревожней и муки безвестней,
Образов слаще и звуков прелестней —
— Тайный предел.

Хор за стеною пел
Странные песни.

ВЕРНОСТЬ ^

1.

Веселый мальчик в светлом костюме.
Первые клятвы — в который раз.
Сладкое песенное безумье
Прозревающих радость глаз.

А этот — отмеченный скорбным знаком,
В живую душу облекший грусть,
Взрастивший полынь упорным злаком,
Горечь свою затвердив наизусть.

Или такой: за случайной утратой
Вечной любви тугое кольцо.
— Как не любить чужое когда-то,

Озаренное новым светом лицо.

Сызнова каждый раз непривычно
Сердце свое раскрывать во мгле.
Если слово друг теперь безразлично,
Что мне еще свершать на земле?

2.

К тебе прихожу с утра,
Играем вместе в игру:
За другом прячется враг,
Врагом прикинулся друг.

Друзья и враги молчат,
Садятся в призрачный круг,
А после сходятся вдруг,
Ругаясь, смеясь, крича.

Тогда тускнеют слова...

3.

Угрюмый лоб и сжатый рот...
Порой усмешка — еле-еле...
В мансарде душной, в полухмеле —
— Бессвязный бред острот.

Забыты чувства: вечер длинный.
Слова — ненужный полукруг.
В душе глухой и тусклый звук,
Ответ на мандолиный.

Но губы сжаты — все равно.
Уйду — со мною, в память,
Тоска и мысли об одном,
И дым перед глазами.

И мандолины острый звук
— Ни верить, ни работать —
И в голове глухая нота:
«Он мне не друг!»

* * * ^

От ослепительного света
Граненых ламп застыв едва,
Как тело, празднично одета
Душа, вступившая в права.

А тело тает взлетом тайным.
Не потому ли так легка
В прикосновении случайном
Твоя прозрачная рука?

Но лампы гаснут от удара
По гулким клавишам, и вот
О горестях Елеазара
Певец взволнованный поет.

Рахиль! Уже во власти тленья,
Внезапно спутав имена,
Душа не твоего ли пенья
В любовной робости полна.

* * * ^

По рубрикам, под номерами
Любовь — по строчкам — наизусть.
Не считаешься стихами,
Где безошибочность и грусть.

Любви и нет. Но мы забыли
О неутешности, и вот
В мучительном Леконт-де-Лиле
Душа, запутавшись, живет.

Запутавшись... А все сильнее —
— И скудной радости не жаль —
— Парнасской строгостью болеет,
Уже приявшая печаль.

* * * ^

Предчувствовало сердце: безразличен.
И как надеяться любимым быть!
Поэты обожают Беатриче,
Но Беатриче их не полюбить.

А я — последний в неземной плеяде,
Любовник скучный и плохой поэт.
Не мне искать твоих противоядий,
Которых вовсе не было и нет.

Но мой некрепкий голос напрягая,
— Его бессмертным пеньем не зови —
Я верю: ты услышишь, ты узнаешь,
Ты будешь плакать о моей любви.

* * * ^

Так день прошел, веселый, монотонный.
Хрипел однообразный граммофон,
То шарканьем, то пеньем окружен.
Все о любви — и слишком благосклонной,
Все о любви... Так забывают сон.
И только март, пленителен и жалок
Неудержимой щедростью своей,
В цветочных лавках радовал детей
Пучками бледных выцветших фиалок.

* * * ^

Как грустно! В жизни этой
И грусть не удержать!

Стараются поэты
Не помнить и не ждать.

А тут пахнет духами
Забывтая весна, —
— И все всплывет стихами
Лишь выглянь из окна.

* * * ^

День ото дня все меньше знаю
Как жить и для кого любить.
Как будто что то забываю,
Что все равно нельзя забыть.

Вот утром равнодушно встану
С притихшей болью и тоской —
Лечить запекшуюся рану,
И ждать, и призывать покой.

А там уже волнистой цепью
Года помчатся взаперти,
И к твоему великолепию
Не возвратиться, не прийти.

* * * ^

Я внутри совершенно пустой,
Даже сердце как будто не бьется.
Только память о жизни простой —
— Как на дне векового колодца.

Так, наверное, новый мертвец,
В первый раз выходя из могилы,
Все не верит, что жизни конец,
Смотрит в небо и пробует силы.

* * * ^

Не торопись, не торопись, поспеешь!
Ты думал душу расковать шутя.
Но вот дрожит рука, и ты бледнеешь.
Не торопись, не торопись, поспеешь!

Ты думал душу расковать шутя,
Доверчивое, жадное дитя.
Но уж дрожит рука, и ты бледнеешь.
Не торопись, не торопись, поспеешь!

* * * ^

Слова и люди безразличны.
Прядется медленная пряжа.
Смотри, как за окном привычно
На мокрый снег ложится сажа.

И тусклой музыкой всемирной
Томится громкоговоритель.
Разрушь последнюю обитель
Волной несказочно эфирной.

Ты знаешь: и былую сложность
Искупишь сердцем небогатым,
Склонив над хриплым аппаратом
Внежизненную безнадежность.

* * * ^

Нет, не восторг, не солнечный туман,
Мне только стыд на искупление дан.
В стыде живу, постыдно умираю,
В стыде люблю, и радуюсь, и знаю.

Стыжусь всего: стыжусь моих стихов,
Стыжусь моих друзей, моих врагов,
И прячу со стыдом мое бессилье,
Как прячет страус голову под крылья.

ДВА НАБРОСКА [^](#)

1.

В папиросном дыму, за столами,
Мы охрипли от скучных бесед,
Поражая друг друга словами,
Заметая потерянный след.

Так в порядке дискуссий и споров,
Позабыв удивленность и страх,
Мы вели без конца разговоры
О своих нелюбимых стихах.

А любимые прятали мудро
В глубине помутневших зрачков
За духами, румянами, пудрой
И обидой придуманных слов.

2.

О любви мы долго говорили.
Нависал над нами потолок.
В клубах дыма, в облаке усилий
Тлела папираса.

Потухал неровный огонек.
Мы следили за лучами пыли,
За глазами, где упущен срок
И любви не будет.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ^

1.

Слова, несказанные вслух,
Объятыя без живого знака,
Как верить вам... Не вас ли вдруг
Мы сами вызвали из мрака!

Но ты, безжалостно для нас
Убравшая свой гулкий терем,
Любовь, тебе и в этот час
Мы, обреченные, поверим.

2.

Сидели рядом... Знаю, знаю —
— Не в этом признаки любви,
Не эти шутки замечают
Следы упорные твои.

Но в новой несказанной силе
Предугаданья моего
Тревожный бег автомобиля,
Твои черты, черты его,

Мельканье, суета ночная
И твой неумолимый рот...
О, тот ли ревностью умрет,
Кто ровно ничего не знает!

* * * ^

Я ненавижу быстрый взгляд,
И лоб твой чересчур высокий,
И смех веселый и жестокий,
Где искры гордости горят;

Я ненавижу резкий рот,
И разговор — конечно, умный,
Отчетливый и простодумный,

И мыслей безупречный ход, —

— За то, что честен ты и зол,
За то, что долго и прилежно
Ты создаешь свой неизбежный,
Благополучный ореол,

За то, что если мы гурьбой
О нежности поем неловко,
Соседки скромная головка
К тебе обращена с мольбой.

* * * ^

Когда сольются надо мной
Ночные тени вдоль дороги,
Я знаю, назовут порой
Меня бесчувственным и строгим;
И даже, может быть, храня
Улыбку легкого презренья,
И пожалеет кто меня
За то, что я не знал волненья.
Но ты не скажешь, сколько сил
И сколько нежности и боли
Я в сердце глухо затаил,
Когда — хотя бы — в краткой воле,
Переступая свой порог,
Робел я и смотрел под ноги,
И быть бесчувственным и строгим
Я сам хотел бы, да не мог.

* * * ^

Опять июнь, как год, как два назад
— И неуверенный и слишком скромный —
И вечерами в парке шелестят
Каштаны крепкие листвою темной.

И от пруда влюбленностью несет.
А там — за улицами, в стенах дома,
И те же радости, что каждый год,
И та же нежность, что давно знакома.

Полюбишь ты, а может быть и нет.
Что времени до мелочи любовной!
Наступит осень — и тяжелый бред
Покроет память пеленой неровной.

* * * ^

Поверь, не о себе тоскую,
Хоть раз, не думая, поверь.
Тебя ль, забытую, чужую,
Любимую, пойму теперь?

Ты помнишь, в комнате угрюмой
С тобой встречались мы, и ты
Земной отяжелевшей думой
Сплетала хрупкие мечты.

И в этом каждодневном горе
Ты посейчас.

А бьется море
У ног моих, дыша огнем,
И ослепительный от зноя
Тулон горит пустой тоскою
В разнообразии своем.

И я, уже потерян в нем,
Один, мечтаю о чудесном,
Когда в дыхании зимы
О третьей жизни, о небесном,
Заговорим с тобою мы.

* * * ^

Бежала с ветром по земле трава.
Луна светила. Были звезды низки.
Невесело знакомые слова
Звучали по-английски.

Волненья не было. Быть может, нам
Приснилось это. Плыли звезды в дыме,
И в памяти к забытым именам
Еще прибавилось чужое имя.

МИСТРАЛЬ [^](#)

Нагрелись камни. Раскалились кости.
Деревья гнутся в яростной борьбе.
О, если бы и мне в напрасной злости
Лететь, лететь, не зная о себе.

Но далеко внизу ликует море:
К нему не долетишь с высоких скал,
И ветер разнесет большое горе,
Которое я столько лет искал!

Поет мистраль в неистовом блаженстве,
Кружатся волны радостней и злей.
Я плачу о моем несовершенстве
И о любви растроченной моей.

* * * [^](#)

Точно звезды, мерцая, зажглись
Под звездами огни семафора.
Мы с холодной земли поднялись.
Отступили далекие горы.

Зашуршал отсыревший песок,

Замедляя движенье.
Побежала земля из-под ног.
В электрическом напряженьи

Все смешалось: молчанье мое,
Ветер с моря, соленый и грубый,
И прозрачные руки ее
И бескровные губы.

* * * ^

Единственный, неповторимый
И лучезарнейший из всех
Часов моих, и ты, любимый,
Во сне созревший, как орех,

Упорный миг: в двойном покое
Нам жизнь удвоенной дана,
Ее с песков души не смоет
Родившая ее волна.

* * * ^

Не говори, что нет предела
В изнеможении твоём.
Тебе мы любящее тело
И скорбный дух наш отдаем.

Но сладострастнее другого,
Я буду нем — о, тайный труд!
Всесозидающее слово
Я не отдам на нежный суд.

И про себя творя молитву,
Храня довременную дрожь.
Я рад, что ласковую битву
Ты молчаливой назовешь.

* * * ^

Как здесь нетрудно думать о приятном.
Мелькают мысли. Бьется шмель, звеня.
Поет на дудочке слепец о невозвратном.
Твою любовь отнять он хочет у меня.

Но разве мне такого счастья надо?
Его я уступлю скорее всех.
Поет на дудочке слепец. Моя награда
В твоей любви найти безвыходность и грех.

* * * ^

Еще шумит по летнему волна
В мучительной и непонятной цели,
И только ты бесцельна и одна
На тех камнях, где мы вдвоем сидели.

И только память рвется на клочки,
Когда устав от света и покоя,
Ты протираешь влажные очки
Худую некрасивую рукою.

Вокруг меня, во мне самом Париж.
Ты далека — на солнечной дороге.
Но разве этой близостью пленишь
Влюбленного в незримые тревоги?

* * * ^

Опять я немощен и нем,
Один в спокойствии моем,
Как будто не были совсем
Мы некогда с тобой вдвоем.

А ты не изменила мне.
Но как понять, что ты, одна,
В других мечтах, в другой стране
Не мне — самой себе — верна.

Ты будешь мне писать о том,
Как сладко ждать, как страшно быть,
И не опомнишься потом,
Когда не будет что забыть.

* * * [^](#)

У "Notre-Dame" застыла пара.
А вот — смотри — со всех сторон
Убогий памятник Ронсара
Любовью темной окружен.

Закрыв глаза, в чужие страны
Плыву к тебе, во тьме, во сне.
Далекой Англии туманы
Не утоляют сердца мне.

CAP DU LANGOUSTIER [^](#)

Теряю гордый образ твой, теряю.

Ты помнишь мыс: на нем сидела ты,
Мистралем оттесненная от края.
В кустах прибрежных белые цветы
Росли, — загадочное ожерелье.
Нас оглушал стремительный прибор,

И мы, как опьяненные, с тобой
Срывали их: тяжелое похмелье.
Струился сок из стеблей молодых.
Мы опьянялись странными цветами.
Нас оглушал стремительный прибой.
На полпути сухие стебли их
Бросали мы — неверными руками,
И мотыльки ватагой голубой
Слетались к ним — к потерянному раю,
Ища напрасно капель росяных.

Теряю гордый образ твой, теряю.

ВЕРНОСТЬ

* * * ^

Мой друг, я знаю — скучно
И тесно в этом мире.
Здесь нет любви безгрешной,
Здесь нет небесной правды,
Здесь нет бесплотных духов.
И ангелы, слетая
На землю летней ночью,
Не наши души ищут,
— Ночами ищут женщин
С бессонным жарким телом,
С горячими губами
Для плотских поцелуев.

Мой друг, я знаю — трудно
В таком телесном мире.

Но разве ты не видишь,
Измучившийся друг мой,
Что в неподвижной глине,
В разгоряченном теле
И в камне придорожном
Горит такая искра,
Которая поспорит
С любой звездой на небе.

Но разве ты не видишь,
Что ветер, подымая
Сухую пыль с дороги,
Несет ее чудесней,
Чем ангельские крылья.

Но разве ты не видишь,
Что я, ревнивой страстью
Постыдно одержимый,
Твои целуя губы,
Бескровные, как небо,
Моим земным, тяжелым,
Неудовлетворенным,
Греховным поцелуем,
Люблю совсем не меньше,
И уж, конечно, чище,
И уж, конечно, ближе
К вселюбящему Богу,
Чем богослов лукавый,
Молчащий о телесном,
Мечтающий о рае.

ПАМЯТЬ [^](#)

Что делать мне в нежнейшей тине дней,
Лирических тревожных очертаний?
В несовершенной памяти моей
Дымится остров в солнечном тумане.

Ликует море в первозданной мгле,
Горят под ветром кисти винограда,
Растут крутые склоны, на скале
Растет забытой крепости громада.

Поет в ушах мистраль. В немом строю
Деревья гнутся цепью вековой.
Я помню остров и любовь твою,
Ты знаешь, не придуманную мною.

Но знаешь ли, что я отдам сейчас
И эту радость зыбкого творенья
За близость светлых, несомненных глаз
И не во мне рожденного горенья!

* * * ^

Екатерине Гарон

За окном — морозная луна,
Зимний свет, ночная тишина.
Но завешено твоё окно
Плотной шторой верно и давно.

За окном в урочный час страшна
Надо домами полная луна.
Но ты спишь, тебе не до луны:
Ты совсем другие видишь сны.

За окном, под желтую луной,
Я брожу, упорный часовой.
Но твои полуночные сны
Не любовной радости полны.

* * * ^

Случайные земные встречи,
Хотя бы нежность без границ
— Не в этом жизнь, не в этом вечный
Круговорот имен и лиц.

Но ты... Я снова страхом полон,
Я снова полон тишиной.
Бегут мистические волны
Вокруг тебя, ко мне, за мной.

* * * ^

Что делать мне с тобою и с собою,
С моим желанием, с моей тоскою?

Казалось, все забыл! Спокойный свет...
Другого счастья не было и нет.

От лампы тень на круглый стол ложиться.
Так хорошо! И лень пошевелиться,

И лень, склонясь над шахматной доской,
Фигуру тронуть медленной рукой.

Не думать ни о чем. Еще не скоро
Затихнет звук простого разговора.

Но вдруг случайный взгляд, случайный взлет
— И сердце бьется о прозрачный лед,

И нежностью такой занает тело...
Вот эти руки долго и несмело

Держать в руках, и мучиться, и знать,
И о любви превратной вспоминать...

И сердце бьется нежностью бескрайной,
Как сказочник над небывалой тайной.

* * * ^

Я все забыл, я ничего не знаю,
Где счастье, где поэзия, где я?
Случайная, далекая, ночная,
Все перевесила любовь твоя.

Любовь ли даже? Я гадать не смею.
Всего полночи я с тобой знаком.
Ты прячешь руки, ты закрыла шею
Стюартовским большим воротником.

И я люблю ли? Верить и не верить
Я не прошу тебя. Пойми, сейчас

Раскроем мы поддавшиеся двери,
И свет падет, и свет разделит нас.

* * * ^

Любви не знаешь ты, ее
Боишься и понять не смеешь.
Сама страдание мое
Рождаешь и его жалеешь.

Но без страданья жизни нет,
Без боли сердце не сожмется,
Нас больно поражается свет,
С трудом дыханье нам дается.

Так бабочка в огонь летит:
Сжигает тельце, бьет крылами,
Но, падая, благословит
Ее приемлющее пламя.

* * * ^

О любви, о любви без конца,
И опять о любви, и опять
Утомляются наши сердца,
Охлаждаются наши сердца,
Чтобы снова начать.

О любви замолчи, промолчи.
Но о чем же еще говорить?
Вечной смерти меня не учи:
Вечной жизни пронзают лучи
Вечной тайной — любить.

СОН [^](#)

Я позабыл, который час, который год.
Ночная тьма, ночная тишь плывет, растет.

Ночной порой, как часовой, часы стучат,
Как ветра вой, над головой часы летят,

Но я забыл, который час, который год.
Плывет, растет немая тьма, а в сердце лед.

А в сердце лед, а в сердце жар, а в сердце сон:
Плывет, растет твоя любовь со всех сторон.

И я во сне, а в теле жар, а тело ждет,
И снова ты — который раз, который год.

И снова боль, и сон, и свет любви твоей,
И тень волос, и прелесть глаз, и взлет бровей...

Твоей любви, как утра жду, как счастья жду.
Который раз твоя любовь — в жару, во льду.

И сон бежит, но я весь день ношу в ответ
Твою любовь, и жар, и лед, и сон, и свет.

ЭЛЬЗАС [^](#)

Растут лесные дали,
Растут леса, преобразившись вдруг.
Мы радости не ждали,
Нежданной радости сомкнулся круг.

В окно, навек чужое,
Так ненадолго ставшее моим,
В сияющем покое
Струится отдых небом голубым.

И там, где водопадов
Неясен шум и не нова струя,
Другой любви не надо

Для легкого простого жития.

Руки прикосновенье —
— Рука дрожит, руки неровен взлет —
И мирное течение
Промчится, всколыхнется, пропадет.

АЛЬПИЙСКАЯ РОЗА [^](#)

С утра кружились горы перед нами,
Летел автомобильный ураган.
Уже Монблан казался облаками
И в облаках нам чудился Монблан.

От водопадов, от шального бега,
От ледников кружилась голова,
И пятнами нетающего снега
Ложились в сердце тайные слова.

И вдруг, на повороте неумелом,
Остановились мы, и ветер спал,
И только бережно порой играл
Прозрачным легким платьем, хрупким телом.

Так, замыкая вечности кольца,
Приблизилось ко мне в случайной доле
Альпийской розы нежное лицо
В бессмертном, нежном, горном ореоле.

* * * [^](#)

Как много ласковых видений
Мне с именем твоим мелькнет.
Твои ребяческие пени,
Твой жалобно раскрытый рот.

Качали сосны головами,

От ветра путалась трава,
И плыли облака под нами,
Кружились в небе острова.

О, как хотел я быть любимым!
Но даже нежность летних дней,
Мой друг, ничем не искупима,
Поверь мне, без любви моей.

А вспоминая наше счастье,
Вечерний лес, усталый взор,
Я не припомню этой страсти,
Преображающей позор.

* * * ^

Говорить о любви, о стихах,
О тебе, о себе самом,
Ожидать, что в твоих глазах
Вспыхнет нежность черным огнем.

А потом, возвратясь домой,
Лечь в постель и укрыться теплей
(Было холодно этой зимой),
И в бессонной дремоте моей

Все надеяться, в смутном бреду,
Что опять посетишь меня ты,
Что я с новой рифмой найду
Новый образ твоей красоты.

И когда забелеет кровать
(Очень поздно светает зимой),
Эту радость снова назвать
Адской пыткой, смертью самой.

Что же делать, если в раю,
В лучезарности летних лучей,
Не забыл я муку свою
И мечты морозных ночей.

НОЧНОЕ ^

1.

Гармоники несносны звуки,
Не исцеляет граммофон.
Ты прячешь губы, прячешь руки,
Но я и так не восхищен.

Но я не трону шуткой нежной
Груди и сердца твоего.
Такой враждою безнадежной
Нет, не любил я никого.

2.

Ты думала, что ты убьешь меня:
Остынет сердце и рука застынет.
Не знала ты сокрытого огня,
Который жжет и мстит, как смерч в пустыне.

Что ж, убегай, любовь моя, беги!
Ты не хотела ласкового слова.
Беги! Не убежать тебе от злого,
Впервые непокорного слуги!

* * * ^

Ты замужем, и я испытан вдвое.
Нас не щадила жизнь не по летам.
И все таки — единственно живое
Теперь все ближе и понятней нам.

И в шумной суете хмельных соседей,
Среди острот, вина и табака,
В простой и неожиданной беседе
Душа раскрылась, и любовь легка.

Что из того, что душу узнавая,

Не в вечном мы, а в суете тщеты.
Ведь все таки единственно живая,
Моя любовь, мне все понятней ты.

* * * ^

Наверное, любовь восторжествует
Когда-нибудь, вне времени, в конце.
Меня такая вечность не волнует:
Пишу о ней, не изменясь в лице.

Но вот вокруг меня другая вечность,
И я больней и чаще хмурю бровь:
И неумелая твоя беспечность
Ведь тоже называется — любовь.

Я знаю, что любовь восторжествует.
Но все страшней, и слаще, и больней
В случайном и недолгом поцелуе
Здесь, на земле, искать любви твоей.

А вокруг меня другая вечность встанет,
Для нелюбимого — закон земли,
И невеселую беспечность станет,
Чтоб мы любви поверить не могли.

* * * ^

И снова — недоговоренность,
Моя любовь, ее печаль.
Простосердечная влюбленность,
Тебя, одну тебя мне жаль.

Волнуясь и других волнуя,
— Но только дальше не иди —
Люблю пьянеть от поцелуя,
От легкой нежности в груди,

Ласкать послушливые руки
("Мой милый, я навек твоя"),
Но ждать без горечи разлуки,
Тревог напрасных не тая.

А здесь... Но разве столько прозы
Дано сказать в простых стихах?
Цветут чахоточные розы
На впалых высохших щеках.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ [^](#)

Все глубже знания в голове детей.
Все молчаливей мальчик год от году.
— О, юноша! Возлюбленной твоей
Не эта мудрость принесет свободу.

Все больше денег в узком кошельке.
Упорный взгляд все бдительней и строже.
— О, юноша! Звон золота в руке
Привлечь возлюбленную не поможет.

Все громче рифмы... Эти всех верней:
Поют в душе, бегут морской волною.
— О, юноша! Возлюбленной твоей
Ты не удержишь музыкой земною.

ПИСЬМА [^](#)

Перечитывал старые письма
От друзей, давно позабытых,
Вспоминал их неясные лица
И случайные их приметы.
И от каждой пыльной страницы,
И от каждой нечеткой строчки —
— Столько боли во мне подымалось,

Что, казалось мне, с каждым словом
Отделялась душа от тела.

Только больше всех волновали
Мое сердце женские письма.
Вспоминал забытые лица
Мимолетных моих подруг,
То красивых, то некрасивых,
Но всегда меня не любивших
Той любовью, которой только
И возможно меня любить.

Вот одно письмо — городское.
Крупный почерк, косые буквы:
Видно писано было наспех
Между черным пивом в кафе
И мучительным разговором
О бессмертном томленьи душ.
«Милый друг, простите за правду,
Но я Вас совсем не люблю,
Да и Вам, признаться, не верю —
— И прошу Вас: не унижайте
Чувством, Вас совсем недостойным,
Нашу прежнюю дружбу. Л.»

Что мне делать с таким письмом?
Если эта любовь налетела
Черным вихрем, ночным потоком,
И промчалась, не заменивши
Разговоров о скучном бессмертии,
О достоинстве и униженьи, —
— Мне не жалко будет любви.

Вот другое письмо — открытка,
На которую я не ответил,
Чтобы силу воли проверить.
«Шлю привет вам из Сен-Жермена»
— И приписанный сбоку адрес.
Это все, что написано было,
Но читалось много другого,
Но читалось: «Прошу прощенья,
Что я раньше Вас не звала,
Что мы слишком мало встречались,
Что я слишком многих ласкала,
И что много других поцелуев
Стерли с губ моих Ваш поцелуй.
Я люблю и других, конечно,
Но мне, право, очень обидно,
Что и Вас не могу любить».

Что мне делать с такой открыткой?
Если эта любовь налетела
Светлой бабочкой шелестящей,
Что повсюду ищет огня,
Если эта любовь промчалась
И в огне сгорела навеки —
— Мне не жалко будет любви.

Дольше всех я держу в руках
Письмо на желтой бумаге
И в таком же желтом конверте,
Надписанном очень ровно
Недрожащей, неторопливой,
Спокойной твоей рукой.
«Сегодня не приходите —
— Приходить сегодня не надо».

И смотря на ровные буквы
Таких непреклонных слов,
Вспоминаю бледные руки,
И твои бескровные щеки,
И в глазах почти незаметный,
Непрерывный блеск огоньков.
Ты меня не любила, наверно,
И любила вряд ли других,
Но не знаю, какая сила
Тебе право дает мне сказать:
«Приходить Вам сегодня не надо,
Вам сегодня не надо любить».

И чем были слова безнадежней,
И чем были мечты невозможней,
И чем больше я был уверен,
Что любви никогда не будет,
Тем упорнее сердце стучало,
И от ровных спокойных строчек
На истертой желтой бумаге
Все упорнее зрела вера
В совершенство твоей любви.

ЭЛЕГИЯ [^](#)

Я думаю. Перед глазами круги.
Все мысли спутались вокруг одной.
Я вспоминаю о любимом друге,
Уже потерянном моей душой.

А как недавно мы с ним были близки!
Казалось, нас вовек не разлучить.
Завистливо другие говорили:
Счастлив, кто может так друзей любить!

Еще на гимназической скамейке
— Я это помню, как в неясном сне —
Записки, прикрепленные к линейке,
Пересылал он со стихами мне.

И оставаясь в классе опустевшем,
От шалостей, привычных нам, вдали,
О первом, о впервые наболевшем
Мы с ним наговориться не могли.

Как были сладки общие печали!
Как радостно мы думали о том,
Что то же имя нам случайно дали,
Что мы случайно встретились потом.

Мы видели божественную волю
В случайно нас связующих мечтах,
Одну и ту же мы просили долю,
И тот же час настал, и тот же страх.

Уже росло взволнованное тело,
Уже росла душа, уже ждала.
Нас общая судьба крылом задела
И вместе за собою понесла.

Любовью небывалой, красной кровью,
Был наш союз желанный закреплен.
Любовью первой и второй любовью
Мы освятили ревности закон.

Но третья родилась из бурной пены,
Как Афродита из морской волны,
Где нет соперничества, нет измены.
Внезапно музыкой побеждены,

Мы вслушивались в медленное слово,
В земной любви открывшееся нам.
Бодлера, Тютчева и Гумилева
Читали вместе мы по вечерам.

О, первые таинственные строки!
О, посвященья трепетной рукой!
Мы понимали смутные намеки,
Был каждый стих наш — разделенный строй.

И от шумливой жизни урывая
Хотя бы день, хотя бы только час,
Воистину мы достигали рая,
Стихами обступающего нас.

Но рифмы сладострастные манили,
Но чувства бесконечные влекли.
А разве властны мы, а разве в силе
Мы сами оторваться от земли?

И та судьба, те волны, что вздымали
Меня на гребне, пенясь и крутя,
Его на берег низкий прибивали
И на песке играли, как дитя.

То, что сближало нас, что мы любили —
— Нас разделяло, с каждым днем верней.
Все безысходней наши встречи были,
И все непримиримей и страшней.

Я не хотел понять и подчиниться.
Прости, мой друг, прости в последний раз!
Мне были не нужны чужие лица,
Чужие души, радость новых глаз.

Прости теперь прощальные упреки!
Я боль растил, ее навек пою.
Прости, мой друг, мне навсегда далекий,
Мою любовь и нелюбовь твою!

* * * ^

Любить несуществующих друзей,
А существующих ругать, конечно,
Не знать, что делать с нежностью своей
— Нежнейшая неволя бесконечна —

И так за другом друг, за годом год...
Но вдруг уйдет волна воспоминаний
И нежность непрерывная уйдет,
И ты один, в холодном ресторане,

За пивом, горьким, как любовный сон,
За неоконченным обедом — сразу,
Поймешь, какую ложью был прельщен
— И оборвешь несказанную фразу.

* * * ^

Влад. Смоленскому

Что этот мир? Мы так различны в нем:
Я расточителен, ты скуп и беден.
Но мы от одиночества умрем,
И нам скучна земля, и полдень бледен.

Мы устаем от ветреных друзей,
Но чем нужней, чем ближе мы с тобою,
Тем больше слов ничтожных и людей
Нас разделяют бездною морскою.

* * * ^

Влюбленный плачет после встречи,
Свою тоску не утолив.
В его слезах мерцают свечи,
В его мечтах шумит прилив.

Любимый после долгой ночи
Заплачет, чтоб зашла луна.
В его мольбах волна грохочет,
Отлива зыбкая волна.

И горше всех в часы разлуки

Себя разлюбленный клянет,
— И моря тающие звуки
Впервые заглушает лед.

Но я случайных слез не трачу,
Мне чужды волны всех морей:
От одиночества не плачу
В бесцельной верности моей.

* * * ^

Враги курили, спорили, кричали,
Меня на смерть за что-то обрекали.
Я был с друзьями: было очень мило,
Но ты меня, как прежде, не любила.

Совсем один, часу в четвертом, что ли —
— Я вышел из кафе. Я был на воле.
Светлела ночь, плыл город в мутном свете,
И был мне сладок предрассветный ветер.

* * * ^

Не исцелить моей тоски безмерной
Стихам тяжелым радостью неверной.

Не утолить моей любви огромной
Моим друзьям любовью слишком скромной.

И даже вам, ревнивые мечтанья,
Не прекратить унылого скитанья
Восторгом трепетанья, сочетанья.

По городам земли однообразной
Я прихожу — среди молвы бессвязной —
Ненужный, неприветливый и праздный.

* * * [^](#)

Как просто жить, ходить на службу.
Мне так легко: покой в крови.
Не верю в длительную дружбу,
Не знаю тягостной любви.

И дни проходят в мирной скуке.
Но по ночам — к чему скрывать —
Все та же ты, и те же муки
Хранит безмолвная кровать.

Так море бури забывает,
Качает лодку на волне,
И на песке с детьми играет,
А бури спят на самом дне.

И пусть в моей душевной лени
Нет места памяти твоей,
В тревоге мутных сновидений
Все ближе ты, и все нужней.

ВОСЬМИСТИШИЯ [^](#)

1.

Друзья мои, я брежу, брежу:
Как! Вечностью, которой я
Бывал обрадован все реже,
Мне вдруг возвращены друзья!

Друзья мои, я с вами, с вами!
И только то не позабыть,
Что в нашей дружбе будет жить
Прошедшей ненависти пламя.

2.

Рассеется случайный бред,
Окончится случайный сон,
Бесцельный опыт долгих лет
Опять, опять не превзойден.

"Как честь моя..." Но разве честь
Не одиночеству дана?
"Как дружба, как любовь верна..."
Друзья, но разве дружба есть?

ДУЭЛЬ ^

Скрестились шпаги. Нет, не те мечты:
Направлено в упор тупое дуло,
Ты падаешь. Нет, лучше так: не ты —
— Противника куда-то вдаль рвануло,

Он на земле, не дышит. Эта месть,
О, эта радость или ревность эта,
Наверно, где-то в робком сердце есть,
А вот, попробуй, дозовись ответа!

Все будешь чахнуть над своей тоской,
Да о возлюбленной мечтать до века,
И бдительный не освятишь покой
Горячей кровью человека.

* * * ^

Чернорабочий в куртке рваной
За слезы, горький хлеб и кровь,
В час отдыха, весь день желанный,
Имеет право на любовь.

С какою нежностью и мукой

Он дышит воздухом ночным,
Как бережно он гладит руку
Жены, сидящей рядом с ним.

Трясет железная дорога:
Далекий путь, железный путь.
Какая светлая тревога,
Как облегченно дышит грудь.

И реют светлые туманы
Наперекор дневной судьбе.
Чернорабочий в куртке рваной,
Как я завидую тебе!

ЭЛЕГИЯ [^](#)

Что будет через десять лет?
Быть может, горьким цветом славы
Я расцвету, и новый свет
Пролью на облака и травы.
Завиден будет мой удел:
Читатель, умный и суровый,
Очнувшись от случайных дел,
Мне поднесет венок лавровый;
И будут женщины мечтать,
Как я о них мечтал когда-то,
И по ночам не сможет спать
Ревнивый друг мой, литератор;
И даже ты среди гостей
— Подумай только — будешь рада
Прослыть любовницей моей.
Какая щедрая награда!

А может быть, года пройдут,
И незаметно постаревший,
Другой преодолевший труд,
И приутихший, присмиривший,
Обрюзгший, с ранней сединой
И с лысиной уже немалой,
Наедине с самим собой,
Забытый всеми и усталый,
Я буду жить — и потечет
Простая жизнь, без слов, без края,

И мимо лучший друг пройдет,
Меня почти не узнавая.
И даже ты, подумай — ты,
Пройдя в толпе со мною рядом,
Когда-то близкие черты
Приветливым не встретишь взглядом.

Но я боюсь судьбы иной,
И даже думать не решаюсь
О том, что темнотой ночной
Я постепенно облакаюсь,
Что через десять лет в плену
У косности непостижимой
Бессильным прахом в тишину,
Презрев восторг, летящий мимо,
Я тело отпущу навек,
И распылившийся в эфире,
Не ангел и не человек,
Я буду жить в незримом мире.
И даже ты не промелькнешь,
Хотя бы смутным сновиденьем,
И в памяти земную ложь
Не воскресишь твоим явленьем.

* * * ^

Отчаянье — не это
Вседневное рыданье
С трагической дланью,
Приподнятой к виску,

Отчаянье — не это
Вседневное паденье
В глубины без просвета,
В которых есть просвет,

А в малое мгновенье
Понять, что чашу с ядом
Хотя и страшно выпить,
Но все таки возможно.

* * * ^

Как жить на земле? Человек не знает.
Человек рождается, человек умирает.
Сгнивает тело в плотной земле.
Летает душа в поднебесной мгле.

Поэт, послушай, не думай о многом!
Ты — человек, ты не станешь Богом.
Послушай — не твой ли голос поет:
Человек родился, человек умрет.

* * * ^

В житейской тине счастья не найти...
Но и взлетев в небесные пространства,
Мы не забудем прежние пути,
Простую грусть, простое постоянство.

И стоит ли смотреть за облака
Нам, обреченным смерть принять оттуда,
Пока еще прекрасна и легка,
Земная жизнь, где нам не надо чуда.

* * * ^

Нет оправдания тому,
Кто стать не смог, кто жить не может.
Что нам за дело — почему
Его сомнения тревожат.

Жизнь высока и глубока,
Ей нет предела, нет причины.

Бегут за нами облака,
Растут высоты и пучины.

Сомненьям места нет, — и он,
Бессильный, одержимый ими,
Уже навеки осужден
Самим собою, не другими.

* * * ^

Этой жизни, трудной и любезной,
Каждый год мне по иному мил!
Каждый год своей волной железной
Сердце навсегда приворожил.

Пронеслась гимназией далекой
Череда привычных лучших лет.
Темный, непонятный, одинокий,
Позабылся университет.

Бледный отблеск дружбы величавой,
Две любви — бесплодных, без следа,
Но звучащих неповторной славой,
Скрыли в прошлом темные года.

Стынет сердце вечностью и страхом.
Только то, чему названья нет,
Остается в сердце верным знаком,
И не меркнет отдаленный свет.

* * * ^

Юрию Терапиано

Ты говорил — я долго слушал,
О, я согласен был во всем:
Сомненье не спасает душу

Опустошительным огнем.

И горе не изменит света —
— Все так же солнце греет нас,
И столько радостных ответов
Хранит хотя бы этот час.

Ты говорил, и все казалось
Неизмеримо и светло,
Но что-то смутное осталось
И там, за памятью, легло.

Все это так: и мир без края
И жизнь прекрасна и чиста;
Но только, знаешь ли, какая
Бывает в сердце пустота!

* * * ^

Усталость. Легкие слова
Теряются и замирают.
От сна кружится голова.
Дремотой сонной сны растают.

И только взмахами косы,
Разящей сердце смертью новой,
Непримиримые часы
Стучат настойчиво в столовой.

Такой же стук, такой же взмах
— И ты меня косой сразила.
Но и тебе судила страх
Опустошающая сила.

Виновница любви моей!
Под этот стук ночного бденья
Мне так понятней и страшней
Твоей души опустошенья.

* * * ^

Влад. Смоленскому

Мой друг, ты болен, ты измучен,
Ты безразличней с каждым днем,
К пустыне дружеской приучен,
Благополучием измучен,
Ты думаешь — всегда о том,

О том единственном, безмерном,
Трагическом, слепом, неверном,
Что нас застигнет где-нибудь,
Чтоб нам от жизни отдохнуть.

Но если мы живем в пустыне,
Но если счастья нет в помине,
Не от страданий наших там
Избавиться с тобою нам.

Не верю я блаженной доле.
Мне только б мучиться на воле,
Вдали от дружеских речей,
От слез, от радостных признаний,
От тягостных моих незнаний,
От горестной мечты моей.

* * * ^

Тому, что ты живешь и пишешь,
Тому, что ты поешь и дышишь,
Порадуйся, мой друг, пока
Тебе земная жизнь близка.

А там... Но разве мы узнаем?
Но разве ядом или раем
Изменим мы хоть что-нибудь?
Мой друг, будь радостен, забудь!

НОЧЬ ^

Случайный сон, уже почти не сон:
Тупое дуло, выстрел, я сражен,
Я падаю в отчаяньи несмелом,
А сам расту над распростертым телом.
И бытие — уже не бытие,
Уже чужое — и навек мое.
Бессмертие...

Но будет время длиться,
Исчезнет сон, и новый сон присниться.

Закрота дверь, но понял я — теперь
Уже недолго: распахнется дверь
И выйдешь ты, такая же как прежде,
Со всей любовью и во всей надежде.
Но распахнулась дверь, и ты — прошла.
Какая пустота вокруг легла!
С каким отчаяньем, с какой мольбою
Я ринулся неслышно за тобою!
Но слов моих не слушался язык,
И только крик, уже бесцельный крик,
Крик ужаса...

И не пошевелиться...
Исчезнет сон, и только время длиться.

Всю ночь промучиться — какая ложь!

* * * ^

К чему стихи? Уже и так от них
Грустна душа, как неудачный стих.

Уже и так, едва глаза закрою,
Теснясь, бегут сравнения с тобою.

То ты прекрасней розы и нежней

Моей любви и нежности моей,

То ты грустишь склонившеюся ивой,
То трудишься пчелой многолюбивой,

То позабудешься — и для меня
Загадочнее пасмурнее дня.

А наша жизнь и проще и незримей:
Ты хуже их — и все таки любимей.

* * * ^

Я говорил: конечно, о стихах
И о ночах бессонных, в лихорадке, —
— Пока неслышный смех в его глазах
Вставал и бился в радостном припадке.

Куда как грусть скучна! Пора бы знать.
И в чем винить нас? Так известно это:
Мундир военный и пиджак поэта —
— Здесь, право, не пристало выбирать.

* * * ^

Как тяжело дается вдохновенье,
Любовницы строптивой тяжелей.
Какое непрерывное томленье,
Как много долгих, неутешных дней.

Но я храню залог любви моей.
И вот, когда без сил, в изнеможеньи,
Я падаю — мелькнет освобожденье,
Как метеор, над головой моей.

* * * [^](#)

Уже поживший и видавший виды,
Но все таки нестарый человек,
А не искатель золотой Колхиды,
Отверженный навек.

Под медленные звуки граммофона
Склонился над сияющим столом
И улыбнулся музыке знакомой
Бесхитростным лицом.

И снова сдвинулись большие брови:
Любовь, работа — скучные дела,
— И поднимается, нахмутив брови,
От пыльного стола.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ БАЛЛАДА [^](#)

1.

Где книги полками, рядами,
Где подавляют сотни книг,
Несущийся над головами,
Остановись летучий миг.

В неосвященном магазине
Явилась ты, окружена
Морозным светом. В звездном чине
Так появляется луна.

И холод, радостный и хрупкий,
Тем глубже в сердце проникал,
Чем дальше к телефонной трубке
Звонок напрасный призывал.

2.

И вот уже в морозном свете
Я темной улицей иду,
И зимней непокорный ветер
Пророчит нежную беду.

Как будто плачет он и стонет,
Но все верней несет меня
И к цели все вернее гонит,
От легкой нежности храня.

Как будто хочет и не может
Остановить, вернуть назад.
А спутники — друзья, быть может —
О непогоде говорят.

3.

Остановись, воображенье!
На неизвестном этаже
Знакомое преображенье
В молчаньи началось уже.

И в сумраке густом и сером,
Хоть он развеется потом,
Хозяин кажется Бодлером
И кот — мистическим котом.

А ты... Но разве есть сравненье?
Посмею ли с тобою сравнить,
Что память и воображенье
Смогли создать и сохранить.

4.

Мерцает лампочка звездой,
Рождественский сверкает лед,
И нежность светлой пеленою,
Как платье в ночь любви спадет.

Меняются в неярком свете
Еще чужие мне черты.
В давно знакомом мне ответе
Давно знакомой стала ты.

И скоро ты припомнишь встречи
На зимней площади со мной,
И фонарей живые свечи,
Мерцавшие в тени ночной.

5.

Остановись, воображенье!
В любовное не верю зло!
Так вот к чему преображенье
Давно знакомое вело!

Друзья прощаются, уходят.
Встаю и я, пора и мне.
И только сердце не находит
Успокоенья в мирном сне.

Еще до слуха долетают
Слабеющие голоса,
А зимний ветер обвевает
Редеющие волоса.

IRA DEI [^](#)

Ирине Барановской

ПОСВЯЩЕНИЕ

Моя любовь, как Божье наказание,
Приветствую тебя, как Божий гнев.
Моя любовь... Но разве есть название.
Мне каждый раз звучит другой напев.

Моя любовь... Но разве есть сравненье.
Так непохожа каждая любовь.
Боюсь я сходства, муки повторенья,
А новизна терзает вновь и вновь.

Как Божий гнев, как Божье наказание,
Без имени, ночами, без конца...
Моя любовь... Но разве есть страданье,
Когда сияет свет ее лица.

1.

Каждый день грешить, и опять
Каждый день грехи искупать.

Каждой ночью видеть без сна,
Как светлеет в окне луна,

Как струится свет от луны,
Как в окне исчезают сны.

Снова мучиться, снова знать,
Что так много надо понять,

Что прекрасен мир и велик,
Что бессилён предсмертный крик.

А потом забыть этот страх,
Для случайной встречи забыть,
В озаренных на миг глазах
Целый мир и счастье ловить.

Или это значит любить?
Или снова настанет ночь?

2.

Полночное кафе. Угрюм
Лакей от суетливых дум.
Какая мука эта проза.
За окнами смолкает шум.
Подаренная вянет роза.

О, суета сует — любви.
И вдруг — руки прикосновенье.
Лакея больше не зови.
Как этот поцелуй — в крови
Рождает царственное пенье.

Безлюдное кафе. Затих
В душе моей ревнивы стих,
Как увядающая роза
В недрогнувших руках твоих.

3.

За все блужданья вдоль ночных дорог,
За все измены, страсти и желанья,
За все грехи мои — послал мне Бог
Одно единственное наказание.

И не бенгальским святочным огнем
Горел во всех витринах этот вечер,

Даруя мне — вослед за мутным днем —
Спасительную тягость нашей встречи.

4.

Груз невидимый мне давит плечи,
Тайное сознание мутит разум.
Или это тяжесть нашей встречи,
Или совесть смотрит злобным глазом.

Злобным глазом в сердце смотрит горе,
Меркнут лампы звездными лучами,
Таит нежность в беспредельном хоре,
Вечность расстилается над нами.

5.

Неужели земными часами мерить
Наши любовные встречи.
Неужели дрожать и бояться просрочить
Минуту жизни земной.

Да, мы строгими будем мерить часами
Нашу земную жизнь.
Только времени бег победив неверный,
Вечною станет любовь.

6.

На светом залитом полу,
На шумом залитом балу
Скользит ноги легчайший взлет,
Взлетает платья хрупкий лед.

Соединяет мерный джаз
Веселых нас, любовных нас:
Лицом к лицу, в руке рука.
Любовь близка, любовь легка.

Взлетает платья нежный лед,
Растает счастья быстрый лет.
Хотя бы на сердце больней,
Не станет музыка грустней.

Разъединяет мерный джаз
Усталых нас, ревнивых нас.
Хотя бы сердце на клочки,
Не станет легче взмах руки.

На замирающем балу,
На погасающем полу
Скользит ноги усталый лет.
Который час? И чей черед?

Хотя бы музыка грустней,
Не станем мы верней, нежней,
Хотя бы сердце пополам,
Не отворяется Сезам.

7.

Любовной горечью и мукой
Я с отрочества напоен.
То ожиданьем, то разлукой
Мой ранний опыт разделен.

С трудом исполненных молений
Внезапно прерывалась нить.
Мне счастье нескольких мгновений
Надолго не давало жить.

Завидую другим влюбленным.
Как радостен их быстрый пыл!
Как радостно изнеможенным
Фонарь полуночный светил!

Зачем озлоблен я, унижен.
Зачем, когда любовь легка,
Меня окутывает ближе,
На грудь ложится мне тоска.

8.

Все тише страстные бои,
Все дальше радостные дали.
Редют волосы мои
От униженья и печали.

А был я честен, горд и прям.
За что мне Божье наказанье.
Какой любви, каким богам
Угодно это поруганье.

Редют волосы, больней
На лбу морщины, в сердце годы
От униженья и страстей,
Как от январской непогоды.

9.

Разрывается сердце на части,
Расточаются силы в стихах,
Чтобы вымолить, вынудить счастье,
Хоть случайное, хоть кое-как.

Но его Вы храните ревниво.
Жизнь идет. В корректурных листках,
В счетных книгах, в случайных приливах
Расточается жизнь кое-как.

Расточится. Над свежей могилой
Вспомнят раз: «Он страдал, он не жил».
И опять расточаются силы.
Но хватает и жизни и сил.

10.

Любя, мы о свободе грезим.
Нам в узах верности тесней,
Чем каторжнику в железе
Его связующих цепей.

Нам кажется, что непомерен
Любовный груз, тяжелый крест.
Нам кажется, что мир неверен
И обольстителен окрест.

Но только цепи распадутся,
И хаотической толпой
В нас чувства вольные ворвутся —
— Мы плачем о любви одной,

Как бунтовщик, стесненный властью,
Переворотами горя,
И вдруг припавший — с поздней страстью —
К стопам убитого Царя.

11.

Приду во сне. Ты сразу не поймешь.
«Зачем пришел? Ведь мы недаром в ссоре.
Что ищешь ты?» — И радостную дрожь
Ты не почувствуешь в привычном горе.

«Чего ты ждешь? Я, право, не ношу
Ни ценных мыслей, ни мечты бесценной.
Я только жалости сама прошу,

Я, верно, худшая во всей Вселенной». — Но почему понять не хочешь ты, Что я пришел не в поисках иного, Не для прекрасной праздничной мечты, А для того, что просто и не ново,

Для робкого комка в твоей груди, Что бьется трудно и совсем неровно, Для любящего сердца. — «Уходи. Я не люблю, я слишком хладнокровна».

12.

К чему тревоги и обманы,
Мой хладнокровный властелин,
Мои бесплодные романы
Ты увеличишь на один.

Жестокосердием привычным
Предшественниц ты превзойдешь,
Молениям косноязычным
Ты не ответишь, не поймешь.

Зачем холодная отрада
Сомненьями окружена?
Властителям любви не надо,
Но и тревога не нужна.

13.

Не забыть мне тревоги:
Этот стыд, этот страх,
Эти стройные ноги,
Этот холод в ногах,

Этот стыд униженья
— На коленях, склонясь,
Перед ней, на коленях,
Унижаясь, стыдясь, —

Эти сильные ноги
В униженьи кляня,
Словно нету дороги,
Уводящей меня, —

— Эти гневные ноги,
Что растопчут меня.

14.

В небе мерцает звезда.
— Станьте моей навсегда.

«Нет, никогда, никогда...»
— Станьте моей навсегда.

Плещет глухая вода.
— Станьте моей навсегда.

15.

Ты ли это? Я так неуверен.
Так прозрачна и призрачна кровь.
Поцелуй — и простреленный череп,
Револьверный дымок — и любовь.

Это — ты. Бьется сердце от страха,
Замирает. Полет с высоты
В эту ночь. Ни дыханья, ни праха,
Ни любви, ни судьбы. Это — ты.

ДВА ПОСВЯЩЕНИЯ [^](#)

1.

Спокойна жизнь и смерть спокойна
В просторной комнате твоей.
Здесь и страдание достойно,
И счастье кажется мудрей.

И не совсем земным ответом
Меня пленяют в поздний час
Горящие прощальным светом
Зрачки твоих печальных глаз.

Смотрю на волосы, на плечи,
На скромный девичий наряд,
И немудреной ласки речи
Отдохновение дарят.

Но мне спокойствия не надо:
Я безрассудно предпочту
Мою безумную отраду,

Мою беспутную мечту.

2.

В твоей прокуренной гостиной
Не различить, не разгадать
Волос твоих, беседы длинной
Хотя бы звук, хотя бы прядь.

Поклонников нахальный шепот,
Любовь, стихи, тяжелый сон,
И серых глаз стыдливый ропот,
И серых дней бесстыдный стон.

И вдруг как будто пробужденье:
Какая боль, какая ложь!
Какое гневное мученье
Ты радостью своей зовешь!

Но мне спокойствия не надо:
Я и в мученьях предпочту
Одну безумную отраду,
Одну бесцельную мечту.

СТИХИ О РАЗЛУКЕ [^](#)

1.

Разлука бьет тяжелыми крылами,
Крылами ночь охватывает нас,
И застывает медленно над нами
Прощанья поздний час.

Дорога ждет. Раскрыты настежь двери.
— И холодеет нежная рука.
И все таки еще любовь не верит,
Еще любовь легка.

Но вот качнется время. Слишком мало.
Платок в руке — последний знак любви,
И шепот опустевшего вокзала.
Моя любовь, живи!

2.

Перекличка ночных часов,
Циферблат, освещенный спичкой,
Отдаленный шум голосов
Утомительной перекличкой.

Это значит: время идет,
Это значит: прощанье длится,
Это значит: не прекратится
Утомительный твой отлет.

3.

Три месяца — недолгий срок.
Земная мудрость всех коснется.
Смотрю на Север, на Восток:
Кто уезжает — тот вернется.

Три месяца — недолгий срок.
Но нет надежды, нет прощенья.
Смотрю на Север, на Восток
— И невозможно возвращенье.

4.

Каждый человек сулит разлуку.
Страшно жить среди людей.
Не собрать мне воедино муку
По свету разбросанных друзей.

Голубеет небо надо мною.
Где еще прозрачней небосвод —
Над холодной северной волною,
Над волною Средиземных вод?

Я не знаю, кто уедет снова
И в какой стране, каким волнам
Часть души своей, живое слово,
С новым другом я отдам.

Я еще протягиваю руку,
Но не удержать души моей.
Каждый человек сулит разлуку.
Разве можно жить среди людей?

* * * ^

Вечерней зыбкой тишиною
Париж невидимый затих.
Огни Монмартра подо мною
И темнота у ног моих.

Нет, не любовь: любовь сложнее,
Мучительнее с каждым днем.
Я вспоминать ее не смею,
Я слишком долго с ней вдвоем.

И близкое твое дыханье
Не о любви — другая страсть.
О, если б — темное желанье —
Как с неба в эту бездну пасть.

Но есть еще любовь на свете:
Не размыкаются уста.
Огни Монмартра, летний вечер,
Молчанье, верность, темнота.

* * * ^

Папиросный дым в кафе,
Лица, души, люди, стены
— В такт оборванной строфе:
«Нет измены, нет измены».

Подыми глаза, мой друг:
Не приходит вдохновенье.
Лучше погляди вокруг,
Отложи стихотворенье.

Лица, души... Рифмы нет.
Папиросы, люди, стены...
Оборви строфу, поэт!
«Нет измены, нет измены».

* * * ^

Ворвись ко мне и потревожь
Мое привычное мученье.
Мне ненавистна эта ложь,
Спокойное ожесточенье.

До дна изведенное мной,
Теперь томленье — непристойность.
Даруй мне зыбкий хаос твой,
Я хаосу дарую стройность.

* * * ^

Я лгу, отчаиваюсь, каюсь,
Постыдный жар течет в крови,
Признаний страстных добиваюсь,
Но нет во мне живой любви.

И сердце в холод сладострастья
Не уплывает на яву.
Мой друг, до подлинного счастья
Я без тебя не доживу.

И только ночью сонным ядом
Далекий Север напоит,
И одиночества над садом
Как купол огненный висит.

ТРЕТИЙ ЧАС

* * * ^

Сердце, сердце, что с тобой сегодня?
Или черный кофе слишком крепок?
Или было выкурено мною
Слишком много крепких папирос?

Или ты к волнениям не привыкло?
Или горе больше не под силу?
Или стала непомерна тяжесть
Накопившейся любви?

Сердце, сердце, ведь еще не время!
Только ты не отвечаешь, сердце,
Бьешься, обрываешься, трепещешь,
Мучаешь бессонницей меня.

* * * ^

«Верность? Любовь? Довольно.
Я не могу. Не хочу.
Мне больно, мне слишком больно,
Ты слышишь — я закричу?»

И разнимаются руки,
Освобождаешься ты...
В твои неверные муки,
В безжалостные мечты,

В сомненье — в твое сомненье,
В безрадостный хаос твой
— Без гордости, без сожаленья,
Как в омут. Вниз головой.

* * * ^

Была, была восторженность во мне.

Ты помнишь ли? При нашей первой встрече...
Теперь уже не то: иные речи
О нежности, судьбе и тишине.
О, сколько недоверья и сомненья!
И этим всем обязан я тебе!
Но в горести и в боли и в судьбе
Люблю тебя — и не проси прощенья!

Была, была любовь... Но нет мечты.
И вот, смотрю на женщин безразлично,
С друзьями раздраженно и привычно
Беседую. И это тоже ты...
Но целый вечер в долгом разговоре
О верности, о рифмах, о делах —
Одна лишь ты. Пойми, не только страх,
Пойми, не только грусть, но горе, горе.

Была, была... И снова говорю
С хозяином радушным и спокойным,
С соперником, смешным и недостойным.
Благодарю тебя, благодарю!
Но в горести и в тишине забвенья,
Без радости, без веры, без мечты,
Люблю тебя. И это тоже ты,
Любимая, — и не проси прощенья.

* * * ^

Тревога пьяная, привычная,
Привычный, пьяный разговор,
И эта музыка скрипичная...
Опять... Но до каких же пор?

И сердце бьется, обрывается,
И сердце, под скрипичный вой,
Из душной залы вырывается
В бессонницу, домой, домой!

* * * ^

Сон, смерть, паденье,
Беспамятство, хрип, стон,
Небытие, забвенье,
Спокойствие, смерть, сон.

Так, утомленный землею —
Бессонница, боль, бред —
Следишь за рукой, за петлею.
Но сил умереть нет...

За шахматною доскою,
Вечером, в тишине,
С бессилием и тоскою,
Но вспомнишь об этом дне!

* * * ^

Проходят дни за днями, а наша цель не ближе.
В круговороте пестром изменчивых недель
Мелькает волос русый, мелькает локон рыжий.
Походят дни за днями, а все не ближе цель.

И нежными руками, и влажными губами,
И светлыми глазами, в которых синий свет,
Мы не приблизим цели! Проходят дни за днями,
А наша цель не ближе, а нашей цели нет.

* * * ^

Сначала весна, и томленья,
И небо в закатном огне.
Потом тишина, и сомненья,
И нежность в ночной тишине.

Потом — удивленье, и жадность,

И радость, и мука моя.
Потом — пустота, беспощадность.
Безжалостность небытия.

И все. Даже трудно поверить,
Что это любовь. Пустота.
Быть может, любовь да не та...
Что, если еще раз проверить?

* * * ^

Все то же — люди, имена и лица.
Нежный свет, обыкновенный свет.
Беспутная Лилит, почти блудница,
Какой ты можешь обещать ответ?

Ночной кабак, безлюбое веселье.
Тебе — угар, а мне — чужой позор.
Туманит отвратительное зелье
Поклонников неискушенный взор.

Но как проста пустая мелодрама —
Кто с этой мутной страстью не знаком!
Зачем ты уходила от Адама,
Чтобы вернуться в облике таком?

Я сам беспутный, но совсем иначе.
Тебе хоть блуд, а мне жестокий стыд.
В случайном счастье, в легкой неудаче,
Ты ничего не объяснишь, Лилит.

* * * ^

Борису Дикому

Любви и вдохновенья больше нет,
Остались только: пристальность и честность.

И вот — смотрю со страхом в неизвестность,
И вижу тьму (а раньше думал — свет).

* * * [^](#)

Морозный ветер с востока,
Спокойствие и печаль...
Все это неправда. Только
И правды теперь не жаль.

Мне холодно... Не согреться...
Любовь? До самого дна
Промерзло любовью сердце.
Но и любовь не нужна.

* * * [^](#)

...Но не скажу, как прежде: рифмы плохи,
Не соблюден размер, не те слова.
За окнами, в протяжном зимнем вздохе,
Сухая пыль, опавшая листва.

И в сад больничный зимняя прохлада
Из неизвестных сфер, из позабытых мест,
Спадет — и снегом зазвенит окрест
Не знающая рифм прохлада.

ШАХМАТЫ [^](#)

Борису Феерчаку

Как вырваться из призрачной неволи
Живых фигур и мертвенных людей?
Несутся кони, легкие до боли,
И не найти защиты у ладей.

Все те же шестьдесят четыре клетки
И будничней неотвратимый страх.
Возможные удачи слишком редки,
А там — позорный пат и грубый шах.

О, напряженье долгого турнира!
Окупит ли поездку пятый приз?
Как вырваться из призрачного мира?
Наверх нельзя, конечно — только вниз.

Все ясно для любительского глаза,
Не то, что мастеру: спасенья нет.
В удушьи боли, нищеты и газа,
В холодной комнате...
Какой просвет!

* * * ^

Не потому, что близок мой черед:
Он, может быть, настанет и не скоро.
Не потому, что смерть меня влечет
(О, вечный ужас смертного позора)...

Но с каждым днем — во мне, вокруг меня —
Темнее тени боли, проблеск тайный,
И свет ночной живее света дня,
Незабываемый и неслучайный.

* * * ^

Из боли, страха и страстей,
В которых жизнь проходит,

Улыбкой прелести твоей
Любовь моя восходит.

Шесть дней она во мне молчит,
Живет забытой тенью,
И робкой тенью полетит
Навстречу Воскресенью.

Живи, любовь моя, живи!
В сомненьи и молчаньи
Уже ты знаешь о Любви,
Которой есть названье.

Шесть дней она в тебе живет,
И вот — неслышной тенью,
Улыбкой радости встает
Навстречу Воскресенью.

* * * ^

Жить одному так просто и не страшно.
Куда чудовищнее жить вдвоем!
А между тем — как беспредельно ждем
Мы двойственного горького обмана.

Не так ли, восхищаясь, без конца
Мы в детстве перед зеркалом стояли
И что-то сокровенное пытали
У чуждого — хоть своего — лица.

Не так ли мы, смотрясь в иные стекла, —
Восторженные школьники — потом
В товарище случайном и простом,
Отыскивали верного Патрокла.

И о тебе мечтали мы, любовь,
О Навзикае, Беатриче, Хлое,
Мы верили, что неразрывны двое
В грехе, связующем и скорбь, и кровь.

Но тают острова воспоминаний,
Все забывается — любовь, друзья,
И снова я один, и снова я

Ищу любви и новых оправданий.

И только в одиночестве моем
Моя любовь мне больше не обуза.
Не потому ли, мстительная муза,
Что я тогда вдвоем, с тобой вдвоем?

* * * ^

Я снова тебя вспоминаю. К чему? Отчего?
Сегодня ты мне не приснилась, я в этом уверен.
Твоей голос далекий, и отблеск лица твоего
Навеки потерян, невозвратно потерян.

Тебя я забыл, я с тобою совсем незнаком,
Я, может быть, даже при встрече тебя не узнаю.
Зачем же я снова, с таким непосильным трудом,
С таким непомерным мученьем тебя вспоминаю?

И снова твой голос насмешливо-грустный звучит,
Беспомощный, полупритворный, насмешливый шепот.
И долгие годы уходят, и память молчит.
К чему мне теперь мой напрасный, мой тягостный опыт?

Уходят ненужные годы, и памяти нет.
Ты смерти боялась и музыки ты не любила.
Но в робких объятьях какой-то случайный ответ,
Но в грубых объятьях какой-то ответ находила.

Ты в грубых и робких объятьях спасала от бед
И тело, и душу, дыханье свое и движенье.
Уходят напрасные годы, и памяти нет.
К чему мне мое напряженье, мое вдохновенье?

Оно не изменит, оно не спасет ничего.
Уж если любовь не спасла и не преобразила
Твой голос далекий и отблеск лица твоего...

* * * ^

Моя дорога, столько лет все та же!
Уже давно я знаю каждый камень.
Ее мне память, как всегда, подскажет
Под низкими, ночными облаками.

Иду наедине с самим собою.
Ночной холодный воздух сушит слезы.
И только ветер набежит порою,
Пересечет мне путь своей угрозой.

Да запоздалый путник, озираясь,
С улыбкой, недоверчивой и странной,
Сторонится, чтоб не задел, шатаясь,
Ночной бродяга, сумрачный и пьяный.

Мой милый друг, остановись, послушай!
Осушит ветер стынувшие слезы...
Все меньше сил, мои шаги все глуше...
Дай руку мне... Не слышит. Слишком поздно.

* * * ^

*В любви, как в злобе, верь,
Тамара...
М. Лермонтов*

Как неожиданны и редки
Такие встречи. Первый зов
Прелестней венской оперетки
И безошибочней стихов.

Но самые скупые строфы
От перебоев не спасут,
И реет отзвук катастрофы
В сладчайшей музыке минут.

Не уклоняйся от удара.
Душа права и жизнь права.
«В любви, как в злобе, верь, Тамара...»
Но распыляются слова.

* * * ^

*Перед ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.
Н. Гумилев*

Бывало — с полузвука, с полуслова
Рождалась музыка твоих стихов.
Ты вспоминал зачем-то Гумилева,
Но был тебе не нужен Гумилев.

Над островами солнечной пустыни,
Над радостью неопытных страстей,
Твоя звезда — ничем не хуже Синеи —
Тебе светила золотом лучей.

Как было тяжело с таким сияньем
Тебе расстаться. Наступила ночь
С отчаяньем, сомненьем и незнаньем.
Ты плачешь, но тебе нельзя помочь.

Теперь узнаешь ты, что боль напрасна,
Что есть любовь, но счастья нет в любви,
Что даже музыка не так прекрасна,
Как верил ты.
И все-таки живи.

* * * ^

Юрию Терапиано

Ночная мгла качается,
Уходит из-под ног,
И глухо начинается
Бессвязный диалог.

О чем? Я сам не ведаю.
Слова, слова, слова.
Но сбивчивой беседою
Томится голова.

Расти, разноголосица
Бессонницы моей!
Мне прерывать не хочется
Невольный звук речей.

До утра цепью длинною
Бесцельно доплыву,
И ночь моя невинною
Предстанет наяву.

Мне в этот бред не верится,
Душа не тем жива.
Мели, ночная мельница,
Слова, слова, слова...

* * * ^

Электрический запах озона,
Вдалеке нарастающий гром,
И огромные, в полнебосклона,
Черно-синие тучи кругом.

Ты, я знаю, грозы не боялась,
И теперь, со слезами в глазах,
Не в испуге ко мне прижималась,
Не защиты просила в слезах.

Никому не расскажешь словами
Про молчание, нежность и стыд,
И тогда разорвался над нами
Ослепительный метеорит.

Я проснулся от ливня и грома.
Сон счастливый был все таки сном.
В одиночестве сонного дома
Отзывался насмешливый гром.

* * * ^

Я спал. Ты мне приснилась.
Но ты не сновиденье.
Я спал. Ты мне явилась,
Мое благословенье.

Я помню запах лета.
Мы радостно встречались,
С тобой гуляли где-то
И тайно целовались.

Мы всюду были вместе
(Зачем мой сон прервался),
И нежно, как невесте,
Тебе я улыбался.

Нет, нет, не сон случайный,
Не плотское томленье!
Какой-то новой тайной
Полно мое виденье.

Каким прозрачным светом
Твои глаза сияли,
Каким простым ответом,
Без слов и без печали.

* * * ^

Сколько нежности грустной
В безмятежной Савойе!
Реет вздох неискусный
В тишине и покое.

Над полями, в сияньи
Тишины беспредельной,
Реет вздох неподдельный
Как мечта о свиданьи.

Этой грусти без края
Я значенья не знаю,
Забываю названье
В тишине и сияньи.

Реет легкая птица,
Синий воздух тревожит.
Если что-то свершится...
Но свершиться не может.

Что же, будем мириться
С тишиною и светом
Этой грусти бесцельной,
С этим летом и счастьем
Тишины беспредельной.

* * * ^

Какое счастье! Горный воздух,
Альпийский ветер, тишина,
Ночное небо в низких звездах,
Ночное озеро без дна.

Проходит медленное лето.
И вот — рассеется туман,
На солнце искрится Монблан.

Да существует ли все это?
И сердцу чудится обман.

* * * ^

Мерцает ясная звезда,
За окнами хоронится.
А в комнате бегут года,
А в комнате бессонница.

И жизни лживая вода
Течет неумолимая.
И только ты со мной всегда,
Любимая, любимая!

Бегут незримые года,
Уходит счастье близкое.
И только поздняя звезда,
И только небо низкое,

Да мой бессвязный долгий бред,
Тоска неукротимая,
И тот холодный, ясный свет...
Любимая, любимая.

Простой, безрадостный ответ
И ангельское пение.
Но этот бред... Ответа нет.
Уходит вдохновение.

Ответа нет... Бегут года,
Волна невозвратимая.
И только ты всегда, всегда,
Любимая, любимая...

Я знаю, я схожу с ума.
Да здравствует безумие!
Не землю падает звезда,
Последняя, любимая!

* * * [^](#)

*Молчите, проклятые книги,
Я вас не писал никогда.
А. Блок*

Ты знаешь ли это мученье?
Один, у чужого окна,
Молчанье и сердцебиенье,
И там, за окном — тишина.

Я сердце сжимаю руками.
О, как неразборчивы мы!

Отчаяньем, болью, стихами —
Но только бы прочь из тюрьмы.

И вот я накликал свиданье.
Любовь. Но поют петухи.
И разве мое ожиданье
Похоже еще на стихи?

Уже приближаются сроки.
О, как неразборчив я стал!
Молчите, проклятые строки:
Я вас никогда не писал.

ГОДЫ

* * * ^

Видишь? В жизненной пустыне
Ты не вовсе обделен.
Встанет ночью темно синей
Светло синий легкий сон.

Легче неба, снега, счастья,
Легкий сон и светлый час,
Светом тайного согласия,
Светом счастья без прикрас.

Только этот сон случайный
Ты забудешь до утра.
И забудь. Придет пора
Вспомнить то, что было тайной.

* * * ^

Во сне иногда приснится,
В строчке стихов мелькнет,

Как легкая летняя птица
Летающая в небосвод.

Оставит мечту или ропот,
Надежду, грусть или стыд.
Но земной, мучительный опыт
Об этом не говорит.

* * * ^

Одинок и горестно вторя
(Только лучше не плачь, а молчи!)
Песне радости, жалобам горя,
Далеко прозвеневшим в ночи,

Отвергая неверную меру,
Гордость знанья откинувши прочь,
Прорываясь сквозь стратосферу
В безграничную звездную ночь,

Где стремительно мчатся кометы,
Заметая земные пути,
Где упорные ищут поэты
То, чего не земле не найти.

* * * ^

Я больше, чем помню — знаю,
Я больше, чем знаю — вижу,
И все таки ненавижу,
Тоскую и глухо страдаю.

И все таки труд мой безмерен,
И все таки путь мой потерян...

Крепись, беспокойное сердце!

* * * ^

Я плакал, но только во сне.
Проснулся с сухими глазами.
Неясное синее пламя
Чертило узор на стене.

Светало. За узким окном
Шел дождь и стучали копыта.
И все приоткрытое сном
Забыво, забыво, забыво.

* * * ^

Не надо снов, связующих навеки.
Как легких крыльев незаметный взмах
Прозрачной тенью задрожали веки —
И крупные слезинки на щеках.

Не слезы безысходного мученья
Из потемневших неподвижных глаз —
О, сколько раз в минуты огорченья
Я видел эти слезы, сколько раз!

Но слезы счастья я узнал впервые.
Казалось — в сердце сделалось светлей,
И радости источники живые
Открылись в светлой глубине твоей.

* * * ^

С детства я любил мечтанья,
Тишину и дрожь предчувствий.
Оттого я много верил
И отчаивался много.

Я искал на небе отблеск
Незаслуженного счастья,
И оно меня томило
Слаще летних сновидений.

Иногда в молчаньи полдня,
Иногда в мерцаньи ночи,
В шуме сосен или моря,
В тишине полей звенящих,
В белизне снегов альпийских
Неожиданно мелькало
Обещание блаженства.

Иногда в простой беседе,
Иногда в хмельном весельи,
Иногда в объятьях женщин,
Иногда в стихах поэтов
Что-то сердцу открывалось
На короткое мгновенье.

Но альпийские вершины
Застилались облаками,
Сосны жалобно стонали,
От вина хотелось плакать,
Рифмы падали на сердце
Тяжелей камней могильных.

А тревожное хотенье,
Именуемое страстью,
Доводило до безумья,
До безумных просветлений.
Только сердце замирало
Не надеждою, а болью.

Но текли без веры слезы,
Ничего не разрешая,
И все дальше уходило
Незаслуженное счастье.

Я тогда возненавидел
Безысходное мученье,
И себя проклятью предал
За отчаянье и лживость,
И закрыл лицо руками,

И в отчаяньи заплакал...

И тогда меня коснулось
Незаслуженное счастье...

* * * ^

Наивно? Может быть, наивно.
Смешно? Пожалуй, что смешно.
Но счастье просится призывно
В мое забытое окно.

И я открою осторожно
Доверюсь ласковой мечте.
Как будто счастье невозможно
В усталости и нищете!

И вот оно со мною, рядом —
Рука в руке, плечо к плечу.
И только самым тайным взглядом
Я обменяться не хочу.

Оно смешно и легкокрыло:
Что делать с ним в потоке дней?
То вспомнило, то позабыло —
А сердце бьется все трудней,

С тревогою и тишиною,
Неведомою до сих пор...
Но счастье все таки со мною,
Всему и всем наперекор.

* * * ^

Что это — на краткое мгновенье,
В дружеской беседе, в час ночной?
Что это — в любовном исступленьи,

Вдруг сменяющемся тишиной?

Что это — проснувшись утром рано
(Только дождь холодный за окном...)?
Что это — в полях, в снегах Монблана,
В песне, в слове, в запахе речном?

Только память смутная тревожит
Поздним стуком сердца твоего...
Это — счастье, больше ничего.
Но другого нет и быть не может.

* * * ^

Тебя здесь нет, а я еще живу.
Но тишину твою и безмятежность
Каким угодно словом назову,
Но лишь не тем, в котором безнадежность.

* * * ^

Радость моя, мы с тобою расстались.
Как мне осилить бессрочность разлуки?
Эти глаза мне вчера улыбались,
Ласковы были вчера эти руки...

Разве не это в житейской дороге
Словом одним называется: счастье...
Были, конечно, у нас и тревоги,
Но и в тревогах царило согласие.

Помнишь — твои разделял я страдания,
Даже теперь, когда ты умирала?
Если твое прерывалась дыхание,
Воздуха в легких и мне не хватало.

Что же нас вдруг разлучило с тобою?

Точно ли так безысходна могила?
Или легла между нами чертою
Тайная сила, но светлая сила?

Смерть? Но черты твои так просветлели,
Будто бы в них благодать отразилась,
Будто в земной ты заснула постели
И в беспечальной стране пробудилась.

* * * ^

Я верю, Господи, что это знак,
В котором благодать Твоя и сила,
Что вечный свет, а не могильный мрак
Узнала днесь раба Твоя Людмила.

Я верю, что дарован ей покой,
Что Ты и жизнь ее, и воскресенье,
И от нее отвел своей рукой
Болезни, воздыханья и сомненья.

И даже то, что не могу понять,
Без ропота стараюсь я принять.

Лишь в долгие часы ночной тоски,
Забывшись, вдруг протягиваю руку —
И нет ответной, любящей руки...
Я все приму — но как принять разлуку?

* * * ^

Ни радости, ни скорби нет конца.
Любовь и смерть всегда в единоборстве.
Пускай черты любимого лица
Стирает смерть в медлительном упорстве —

Любовь их снова к жизни призовет

Движеньем памяти, простым и верным.
И наш союз незыблем. Он живет.
Он светит мне лучом нелицемерным.

* * * ^

Поля без конца, без предела,
Где ночью рождаются сны,
А днем пролегает несмело
Граница соседней страны,

Где пахнет цветами, и летом,
И сеном, и свежестью рос,
И душным июльским ответом
На робкий весенний вопрос...

Гляжу в безграничные дали,
В мерцанье зеленых полей,
Лежу в синеве и печали,
В тоске благодатной моей.

Я слышу жужжанье, и шепот,
И шорох, и легкий полет,
И горький бессмысленный ропот
В усталой душе не встает.

Сюда приходил я и прежде
От пыльной судьбы городской,
В неясной и смутной надежде,
В желанный, но смутный покой.

И даже в полях бесконечных,
В июльский торжественный зной
Лишь звук обещаний сердечных
Миражем парил предо мной.

Теперь я вернулся на волю,
Но только вернулся другим —
И легче беседовать полю
С внимательным сердцем моим.

* * * ^

Если ночью мне долго не спится,
Тяжелеет уставшее сердце
И толкутся назойливо мысли
В беспросветном и гулком молчаньи, —

Можно спички нащупать рукою;
В темноте закурить папиросу;
Можно лампу зажечь и часами
Неотрывно смотреть на обои;

Можно просто, уткнувшись в подушку,
Примириться с бессонным томленьем,
С кем-то спорить, потом соглашаться
И опять находить возраженья.

Только мало, убийственно мало
В этом споре надежды и силы,
Только мало, кощунственно мало
Остается ночных утешений.

Утомляют ненужные мысли,
Раздражает излишняя нежность,
Надоели узоры на стенах...
Тускло брезжит полоска рассвета.

* * * ^

Ночью, когда совершенная
В доме царит тишина,
Незащищенность мгновенная
Сердцу бывает дана.

Все, что обычно скрывается,
Все, что забыто не в срок,
В памяти вдруг проявляется,
Как непонятный упрек.

Стиснет рукою железною,
С болью дыханье прервет —
И повисаешь над бездною,
Падаешь в темный пролет...

Может быть, это — отчаянье,
Знак пустоты гробовой?
Может быть, это — раскаянье,
Вечности голос живой?

* * * ^

Ну что мне в том, что ветряная мельница
Там на пригорке нас манит во сне?
Ведь все равно ничто не переменится
Здесь, на чужбине, и в моей стране.

И оттого, что у чужого домика,
Который, может быть, похож на мой,
Рыдая, надрывается гармоника, —
Я все равно не возвращусь домой.

О, я не меньше чувствую изгнание,
Бездействием не меньше тягощусь,
Храню надежды и воспоминания,
Коплю в душе раскаянье и грусть.

Но отчего неизъяснимо-русское,
Мучительно-родное бытие
Мне иногда напоминает узкое,
Смертельно ранящее лезвие?

* * * ^

Налетает беда, налетает
Черной тучей удушливых снов.
В сердце хрупкое счастье растает —

Я очнусь безотраден и вдов,

Без любви, без друзей, на чужбине,
Не считая обид и утрат,
Настоящим изгнанником ныне,
Без надежды на близкий возврат.

Все проиграно в жизненном споре.
Замолчали живые ручьи.
Не хочу я удерживать горе
И холодные слезы мои.

* * * ^

От неосознанной обиды
Проснешься ночью, сам не свой,
Как у подножья пирамиды —
Один в пустыне мировой.

Стучат часы над головою
С бесстрастной точностью вины,
Как будто не самим тобою
Они вчера заведены.

И больше ничего от века —
Во времени заброшен ты:
Ни радости, ни человека,
Ни утешительной мечты.

Встаешь в тоске неисцелимой —
Все та же пустота в ответ.
А за окном струится мимо
Косым лучом фонарный свет,

Без жалости, без снисхожденья,
И кажется, что на стене
Отчетливое отраженье
Того, что в тайной глубине,

Средь одиночества и боли,
Помимо воли, против воли,
Но все же сам, по мере сил,
Ты своенравно возрастил.

* * * ^

Все это — обманчиво и зыбко,
Я не верю песне и мечте.
Напоказ цветет твоя улыбка
В лживой и притворной простоте.

Напоказ пронзительность и нежность,
А за ними — нищета и труд,
И, наверно, страх и безнадежность
В тайной глубине твоей живут.

Ты давно привыкла лицемерить:
Как тебя мне в этом упрекнуть?
Но смотрю, и не могу не верить
В этот царственный и вечный путь.

Что мне в том, что жизнь твоя убога,
Что ведешь деньгам и ласкам счет,
Если неподдельная тревога
Мне сегодня вечером поет,

Если танцем, голосом и скрипкой
Скорбный мир ты вдруг преобразишь,
И на краткий миг своей улыбкой
Радость и бессмертие даришь.

* * * ^

Все тягостней, все непробудней
И все безотчетной скучней
Мои неподкупные будни,
Упорство медлительных дней.

И только в тревожном сияньи
Раскосых и ласковых глаз,

И только в неверном дыханьи,
Еще разделяющем нас,

Я вдруг забываю о честном
И бедном сознании моем.
Есть властная прелесть в безвестном,
Неверном, раскосом, чужом.

Как будто цыганское пенье
И горькая легкость ночей
Сожгли вековое терпенье
Сияньем тревожных лучей.

* * * ^

Зачем нужна эта легкость без края
В мире бесчувственном и тяжелом,
И этот отблеск забытого рая,
Когда мне больше не быть веселым?

Зачем нужна эта мерность и точность,
Когда за нею — не счастье свиданья,
А навсегда — неверность, непрочность,
Молчанье, незнанье, расставанье?

Зачем эта грусть, и прелесть, и нежность,
Раз нет у них судьбы и значенья,
А только — жажда и неизбежность,
Бессмысленность, пустота, мученье?

И все же сердце живет невозможным,
Поет, исходит в сладкой истоме, —
Пока не очнешься с дыханьем тревожным,
Как нищий в своем углу на соломе.

* * * ^

Эта легкость и эта отрада,
Этот сумрачный утренний свет,
Милый друг, разве это награда
За утрату растроченных лет.

Да, мы, точно, когда-то встречались,
Но ведь мы разошлись без труда,
Мы как дети с тобой целовались
И в любви не клялись никогда.

Для чего же ты хочешь заставить
Полюбить нелюбимое мной?
Для чего же ты хочешь исправить
То, что не было нашей виной?

Милый друг, мы давно повзрослели:
Память вечности, горечь минут —
Безразлично. Сорвались качели,
Нас без чувств на земле подберут.

* * * [^](#)

Все повторяется, как в сказке:
Пускай отчаяньем дыша,
Навстречу радости и ласке
По-детски тянется душа.

Она чудесно оживает
В сиянии лучистых глаз,
В которых тайный свет мерцает —
Коричневый, на этот раз.

Увы, любовь — не этот шепот,
Не ласка этих нежных рук,
А страстный опыт, страшный опыт
Тревог, страданий и разлук.

И вот уже опять над нами
Тот вихрь встает, тот смерч летит,
Колеблет, разжигает пламя
И погубить навек грозит.

Но я других путей не знаю

И, с трепетом вступая в тьму,
Мой грозный искус принимаю,
Как другу кланяюсь ему.

* * * ^

Говорили — все погибнет в мире,
Если это повторится вновь.
Но луна плывет в небесной пыли,
Но волнуется живая кровь.

Нет, не все подвластно разрушенью!
Даже в дни печали и войны
Сердце внемлет радостному пенью,
Веянью зенитной тишины.

* * * ^

Нет, не воем полночной сирены,
Не огнем, не мечом, не свинцом,
Не пальбой, сотрясающей стены,
Не угрозой, не близким концом —

Ты меня побеждаешь иначе,
Беспросветное бремя войны:
Содроганьем в безропотном плаче
Одинокой сутулой спины,

Отворотом солдатской шинели,
Заколоченным наспех окном,
Редким звуком шагов на панели
В наступившем молчаньи ночном.

* * * ^

Какая ночь! Какая тишина!
Над спящею столицею луна
Торжественною радостью сияет.
Вдали звезда неясная мерцает
Зеленым, синим, розовым огнем.
И мы у темного окна, вдвоем,
В торжественном спокойствии молчанья —
Как будто нет ни горя, ни войны —
Внимаем вечной песне мирозданья,
Блаженству без конца обручены.

* * * ^

...Война! Летят аэропланы,
Смертельной тяжестью нагружены.
Кровавый груз выносят океаны
На гребне каждой гибельной волны.

Незыблемая попорана граница
Несчетными подошвами сапог.
В руках врага изнемогла столица...
Но с нами Бог. Но с нами всюду Бог.

* * * ^

Еще победу торжествует враг
На воздухе, на море и на суше.
А твой незримый, твой любимый шаг,
Поэзия, все тише и все глуше.
По городам, разрушенным в ночи,
Кошунственным огнем опустошенным,
Едва-едва скользят твои лучи,
Едва-едва заметные влюбленным,

Мечтателям, бродягам и больным,
Пока густым, удушливым туманом
Их не заслонит орудийный дым —
Препятствие стальным аэропланам.

И вдоль болот они едва скользят,
Где танки вязнут на дорогах грязных,
И вдоль сухих лесов и нищих хат,
И вдоль полей, заброшенных и праздных.

И в сердце человека в поздний час
Они, как путник, жалобно стучатся:
«Впусти и приюти бездомных нас!
Нам недоело по миру скитаться,

Мы голодны, мы выбились из сил.
А помнишь ли — как долгими ночами
О радости небесной ты просил?
Вот мы пришли к тебе сегодня сами!»

Но человек бесчувственен и глух:
Он злом живет и ненавистью дышит.
Напрасно сердце напрягает слух,
Оно шагов и слов твоих не слышит.

И все же только там, где ты прошла,
Где ты прозрачно мелькнула тенью,
Немного легче скорбь, и реже мгла,
И безысходность верит утешенью.

* * * ^

Мы с тобою — в трагическом мире,
В том, который Шекспиром воспет...
— Нет, уж лучше молчи о Шекспире.
Ни Полоний, ни лэди Макбет,

Даже Яго, приспешник презренный,
Даже гений предательства, Брут,
Не дошли до пределов измены,
До бесчестья последних минут.

Их, по крайности, мучила совесть,
По ночам не давала им спать.
Их печальную, мрачную повесть
Осеняла порой благодать.

Перед смертью им ангелы пели
О свободе, любви, чистоте,
О надежде, о белой метели,
О далекой заветной мечте.

А теперь — не любовь, не свобода,
Не раскаянье сердца, не честь...
Только рабская подлость народа
И трусливых сановников лезть.

Как легко пережить унижение:
Лишь бы нас не коснулась беда.
О, безумной Офелии пенье,
О, живая речная вода!

* * * ^

Уже зима осталась позади.
Прозрачней стала высь.
Уже совсем весенние дожди
На землю пролились.

Когда же небо легкой синевой
Над городом дохнет,
И ветер прошлогоднею листвою
К моим ногам прильнет,

И солнца нежный и живящий луч
Меня коснется вдруг —
Мне все равно, что злобный враг могуч
И что бессилен друг,

Что в мире торжествует суета,
Жестокость и позор,
Что вокруг меня знакомые места
Не узнает мой взор.

* * * ^

Круженье ветра, прах и тленье,
Как говорит Экклезиаст...
Еще надежду на спасенье
Хранит в душе энтузиаст.

Еще доверчивый, наивный,
Покорный раб своей судьбы
Надеется, что вдруг призывный
Раздастся в небе звук трубы.

Напрасно! Над земным болотом
Скользят безрадостно года,
И ждет за каждым поворотом
Разлука, ненависть, беда.

А ветер кружится и стонет
Над прахом жизни без конца
И в грубой вечности хоронит
Окоченевшие сердца.

* * * ^

Не за шеломом русская земля...
Не на чужом, татарском, вьюжном поле...
Российские разорены поля!
О русской недруг думает неволе!

О, может быть, впервые все равно
Какая власть сейчас Россией правит:
Народ, и власть, и войско заодно.
Русь вечную изгнанник скорбный славит.

Не безразличен ли враждебный стяг —
Со свастикою, что с орлом имперским,
Но лишь бы снова разъяренный враг
Был посрамлен своим стремленьем дерзким.

О, лишь бы снова! А потом — как знать?
Безрадостно суровое скитанье...
Но и в печали можно прославлять
Родной страны победное сиянье.

* * * [^](#)

О чем ты плачешь, сердце? Гибнет слава,
Любовь уходит, исчезает вдруг...
На этот миг ты не имеешь права,
На этот вздох, на этот чистый звук.

И разве ты не знаешь — год от году
Нам суждено все более черстветь,
Забывать навек надежду и свободу,
Не ждать, не радоваться, не жалеть.

А если ты не хочешь... Что же, можно!
Но только знай тогда, что все вокруг
Враждебно станет, призрачно и ложно,
И каждый час — источник новых мук.

И лишь мечта — о чем ты плачешь, скрипка? —
И лишь тоска, которой меры нет,
Уводит нас за грани жизни зыбкой
Туда, где радость, тишина и свет.

СТИХИ О НАДЕЖДЕ [^](#)

1.

Лети, моя надежда,
В далекие края.
Как юноша-невежда,
Тебе поверил я.

Поверил я, что все же,
Хотя бы в кратком сне,
Мое блаженство тоже
Вздыхает обо мне —

Мечтательно и хрупко,
В томительном плену...
Лети ж, моя голубка,
В неизвестную страну.

2.

Летит за стаей стая.
Ты, может быть, среди них!
Тоскует, улетаю,
Уже бесцельный стих.

Лети, моя тревога,
Пронзительность моя!
Трудна твоя дорога
В забытые края.

Но мне еще труднее
Тебя в себе хранить
И все же, не жалея,
На волю отпустить.

3.

Июльским сновиденьем —
Его на свете нет —
Далеким откровеньем
Блеснул мне этот свет.

И я поверил в прочность
Романтики земной,
В неверность, и неточность,
Как в радость и покой.

Счастливейшею страстью
Я смел назвать ее.
Лети ж, мое несчастье,
Безумие мое!

4.

А мне осталось много
Пустых и светлых дней.
Трудна твоя дорога,

Но мне еще трудней.

И боль воспоминаний —
Как ветер дальних стран,
Как память о Монблане,
Как пение цыган.

От нежного угара
В бессонницу очнусь...
Лети ж, моя гитара,
Моя живая грусть!

5.

И вот уходит лето —
Все дальше и верней.
Лети, моя комета,
Звезда души моей!

Лети, как птичья стая,
Как вечный хор светил!
Тебя преображая,
Я мир преобразил.

Лети за грани мира,
К истокам бытия —
Надежда, верность, лира,
Поэзия моя!

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

ИЗМЕНА [^](#)

Перед взглядом, мутным от истомы,
Кругом радужным блестит слеза.
На лице девичьем, незнакомом —
— Злые, оживленные глаза.

Верно знал и Данте, как тревожно
Прерывать мистическую нить...
Как теперь смешно и невозможно
Верность Беатриче сохранить!

И на что мне радостная тайна
И связующее нас кольцо,
Если улыбнется мне случайно
Кукольное, бледное лицо.

* * * [^](#)

На белой бумаге пятно.
Засохли, сгустились чернила.
Чернит сокровенная сила
Слепящее полотно.

Въедается мерно и люто,
Как ржой покрывает струну.
Недаром чернильницей Лютер
Пустил в сатану.

Все глубже и все неустанней
Чернильный налет,
И огненным кратером жжет
Пятно в разъяренном сознании.

К НИНЕ [^](#)

*"Durant ces longues nuits
d'ou le sommeil est banni."
Baudelaire*

1.

Скажи мне, Нина, этой летней ночью,
Когда почти несносен лунный чад,
И фонари вдоль темного бульвара
Свечами одинокими горят,

Ты смотришь ли сейчас на те же звезды,

И снится ли тебе такой же сон
О вечности, глубокой и холодной,
Где верностью неверный поглощен?

В такие ли стихи сейчас прольется
Твоя любовь? Твоей любви я враг!
В беспамятстве, в отчаяньи внезапном,
Он также ль гулок, твой бесцельный шаг?

Скажи: влюбленным так легко назваться,
А разреши потом свою печаль!
Прервется сон — как эхо перельется
Земная близь в полуночную даль.

2.

Нина, если б долгие мученья,
Если бы думы долгие могли
Наших мыслей изменять течение,
Наши чувства исправлять вдали,

В эти дни медлительной отравы,
В тишине бесплоднейших ночей,
Ты бы даже в ореоле славы,
Даже в свете солнечных лучей,

Не нашла бы счастья и покоя,
Ты бы только думала о том,
Как случилось и какой судьбою,
В этом мире, вечном и пустом,

Что душа душой овладевает,
Что душа душе повелевает,

Без любви, без цели, без причин?

Но души к душе дороги тайны,
И тоски бесцельной и случайной
Ты узнать не можешь. Я — один.

3.

Опять, опять в мое уединенье,
В молчанье повседневности моей,
В котором все упорней и трудней,
Но все-таки живей мое служенье,

Опять, опять, уже который раз,
Ворвешься ты, прельщая, обольщая,

И тьму паденья моего смущая
Сияньем, светом, озареньем глаз!

Пуškai с живою плотью, с теплой кровью,
Но призраком бесплотным и чужим...
О, не смущай бесстрашием своим
Меня, замороженного любовью!

4.

В долгих разговорах за вином,
Все привычно: утро и усталость.
Только странно мне, что ты осталась
В этой тишине со мной вдвоем.

Только ты, и эта тишина...
И в почти непьяной, горькой муке
Я тебе до боли стиснул руки.
Я — с тобой! И не хочу вина.

В легком сне хмельного бытия
Я худые руки сжал до боли...
Ты дала мне руки против воли
И тебе совсем не нужен я.

5.

Бессонница. Проходит ночь.
В ночном мерцаньи и свеченьи.
Часы стучат, струится дождь,
Напоминая о мученьи.

И опьяненный тишиной,
Я тяжелею, вспоминая
Часы бессонницы иной,
Часы бессонницы без края.

Твоей я не узнал любви,
Но мы с тобою расставались,
Прощальные слова твои
С дождем и сумраком сливались.

И в одиночестве моем
Все о любви мое молчанье.
Глаза твои — воспоминанье!
О, расставанье под дождем,
О, неизбежное прощанье!

Не избежать, не превозмочь...

В ночном молчаньи и свеченьи
Все о любви мое мученье...
Бессонница. Проходит ночь.

* * * ^

Дружба, что ты? Без тебя ли тлена
Избегу, — и как не взволновать
Преклоненьем пьяного Верлена
Сердце, опьяненное опять.

Дружба... Или так мельчает вера?
Или мудрость горький твой конец?
Право, заслужил ли револьвера
Ты, Рембо, божественный гонец!

* * * ^

Бессонными ночами говорили
Не по душам, а о душе живой.
А вот — забылось, поросло травой,
Покрылось облаками вязкой пыли.

Во власти жизни темной и простой
Ни голоса, ни даже отголоска,
Когда-то называлось — друг и тезка —
То, что теперь зовется пустотой.

* * * ^

От любви моей, самой ничтожной и самой презренной,

От любви моей, самой высокой и чистой на свете,
Рушатся башни и в пыль распадаются стены,
Море отходят и в тучах меняется ветер.

От любви моей тают миры в пустоте беспредельной,
Падают звезды и ночь надо мной вырастает.
От любви моей, самой тревожной и самой бесцельной,
Тают созвездья — но сердце твое не растает.

* * * ^

Мой честный друг, уж так устроен свет:
Никто не избежит проклятий старых.
Бессонной ночью думает поэт
О лестных отзывах и гонорарах.

Бежит, внезапным страхом побежден,
Прославленный герой с полей сражений.
Вдова, вернувшись с мужних похорон,
Проспит всю ночь без горьких сновидений.

И если только он избегнет кар,
Судьбою приготовленных жестокой,
Изменит Элоизе Абелар
В хмельном чаду с подругой черноокой.

Ни цельности, ни райской чистоты
Никто до самой смерти не узнает.
И только то, во что поверишь ты,
Нетленным цветом тайно расцветает.

И вот любовь хранит свои права,
И вот поэт подвержен вдохновенью,
И плачет безутешная вдова
Наедине с забытой всеми тенью.

И если знаньем сердца ты живешь
В неверном мире, суетном и ложном,
Мой друг, забудь бессмысленную ложь
Томительной мечты о невозможном.

* * * ^

Носитель тайного таланта,
Несложной музыке внимай,
И скорбный облик коммерсанта
Без возмущенья принимай.

Дневные думы над счетами,
Простой расчет, чужой совет,
И покер вечером, с гостями —
Так проживи пятнадцать лет.

А к сорока расправь морщины.
Вздыхни бесцельней и грустней
И сероватые седины

Вкруг плечи причеши ровней.

Тогда, в холодный тусклый вечер,
Ты вспомнишь молодость свою,
Тогда для невозможной встречи
Забудешь прибыль и семью.

Но ветреная балерина,
В которой свет тебе мелькнет,
От пожилого господина
Земных страстей и денег ждет.

И, может быть, в тебе проснется
Все, что ты прятал столько лет,
Когда и скорбь твоя вернется,
И ясный безнадежный свет.

* * * ^

Если счастье улыбнется,
Ослепит мои глаза,
Если в сердце отзовется
Благодатная гроза...

А пока прощай без срока,
Продолжай нелегкий путь,
Не даю себе зарока,
Не пошлю тебе упрека.
Если хочешь — позабуди.

Только если грусть проснется,
Вспомни этот краткий час:
Может быть, тебя коснется
Тайный луч, пленивший нас.

Если грусть в тебе проснется,
Если луч тебя коснется,
Если счастье улыбнется
Торжеством лучистых глаз.

* * * [^](#)

Пронзительность со мною распрощалась.
Еще вчера она была среди нас,
В друзей, в стихи и в женщин воплощалась
И пела за вином в полночный час.

Я с нею жил, как с нежною женою,
Которою был нехотя любим.
И вот она прощается со мною,
И тает в пустоте прозрачный дым.

Что ж, уходи — ведь мы свободны оба:
Нелюбящий не вправе обвинять.
Я не просил о верности до гроба,
Я все могу, я должен все принять.

Но буду я, один во всей вселенной,
Над строчкою стихов иль за вином,
В среде друзей, уже невдохновенной,
Грустить, и ждать, и думать об одном.

Ты не совсем со мною распрощалась:
Тебя здесь нет, но ты во мне навек —
Пронзительность, бессмыслица, усталость,
Последний луч, осенний мокрый снег.

* * * [^](#)

Как Пушкин, в снежном сугробе
Сжимающий пистолет —
В последней напрасной злобе
На столько бесцельных лет...

Как Лермонтов на дуэли,
Не отвернув лица...
Как Гоголь в своей постели,
Измучившись до конца...

Как Тютчев, в поздней печали,
С насмешливой простотой...
На позабытом вокзале,
В беспамятстве, как Толстой...

Не стоит думать об этом —
Может быть, пронесет!
Или ничто не спасет
Того, кто рожден поэтом!

* * * ^

На темном моем небосклоне
Ты яркой звездой загорелась,
Ты солнцем любви засияла.

В душе моей, черствой и скучной,
Как солнце, ты вызвала к жизни
Напрасно дремавшие силы.

Была ты звездой и солнцем,
Тревогой моею и счастьем,
Мученьем моим и наградой.

Склоняется солнце на Запад,
И звезды мерцают и гаснут,
И крест на могиле поставлен,

Но звезды светили — и будут!
Но солнце сияло — и будет!
Бессмертье твое несомненно.

ТЕБЕ [^](#)

Когда я буду умирать,
Тебе — последний вздох и слово.
Пока я жив — молчи не трать
Сокровищ сердца для чужого!

Не надо их добра и зла.
Ни ласки их, ни беззаконий.
Я больше не хочу тепла,
Что ты хранишь в своей ладони.

Ни горьких слов, ни нежных слов
Я говорить чужим не буду.
И тот не знает про любовь,
Кто расточал ее повсюду.

И ненависть тому чужда,
Кто пил ее из каждой лужи,
Как конь, сорвавший удила,
Или невольник неуклюжий.

Но если я приду домой,
Как зверь, ушедший от погони,
Без слов — в молчаньи — головой
Я припаду к твоей ладони.

И если есть бесслезный плач,
Ты все поймешь в минуту встречи,
Смотря на согнутые плечи,
Где знак поставил мне палач.

ЗИМОЙ В БАРАКЕ АТП [^](#)

Сосед случайный, я уйду
Из горизонта твоего.

Верь, в наступающем году
Не обойдут нас никого.
Придет и наш конец страданий.
В каком раю или аду? —
О том не думаю заранее.

Я думаю о том, сосед,
Что не вернуть нам этих лет,
И каждый год идет бесследно,
И не узнаем никогда,
Как много в жизни нашей бедной
Было сердечного труда
И кладов мысли заповедной
Под маской холода и льда.

И думаю о том, сосед,
Что эти строки холодны,
Как зов неузнанного брата:
На языке чужой страны
Чужая горесть и утрата.
Но тянет нас по временам
Дать волю сердцу — выход снам.

Зимой в бараке АТП
Случайно встреченный в толпе
Товарищ лагерной недоли! —
Есть на земле и рай и ад, —
Об этом годы говорят,
В тоске прожитые и боли,
И слово «друг» и слово «брат»,
И нас враги не побороли.

Так пусть же хоть из этих слов
К тебе прорвется дальний зов
На память дружбы безымянной, —
Как в ночь полярных холодов
Доходит с южных берегов
Привет по радио нежданный.

ДОРОГА В КАРГОПОЛЬ [^](#)

Вор смотрел немигающим взглядом
На худые пожитки мои,

А убийца, зевая, лег рядом
Толковать о продажной любви.

Дождь сочился сквозь крышу сарая,
Где легли голова к голове, —
И всю ночь пролежал до утра я
В лихорадке на мокрой листве.

Снились мне поезда и свобода,
Средиземный простор голубой.
На рассвете стоял я у входа
В белый дом, где мы жили с тобой.

Но рука моя долго медлила
Постучать у закрытой двери,
Точно вражья свинцовая сила
Уцепилась за полы мои.

Выдь навстречу, пока еще время.
Помоги, оттяни за порог!
Видишь, плечи согнуло мне бремя,
Ноги в ранах от русских дорог.

Исходил я широко Рассею,
Но последний тяжел переход.
И открыть я дверей — не успею.
На рассвете бригада идет.

«Подымайся!» — за хриплой командой
Подымайся и стройся в ряды.
Пайка хлеба и миска с баландой
И — поход до вечерней звезды.